ОСВОД. Челюсти судьбы

Автор:
Виктор Точинов

ОСВОД. Челюсти судьбы

Виктор Павлович Точинов

ОСВОД #1

Сергей Чернецов – руководитель отдела совершенно необыкновенного института. Редчайшая комбинация генов позволяла его сотрудникам находиться в одной из двух ипостасей – человека или животного. Разумеется, слонов и крокодилов среди сослуживцев не было. Сам он делил свое существование с большой белой акулой. Череда кровавых событий, разворачивающихся в Неве и ее окрестностях, свидетельствовала о том, что защитное кольцо Земли прорвано и в наш мир рвутся Древние Силы. Их победа не оставит места для человечества. Безуспешные попытки бороться с пришельцами приводят Чернецова и его сотрудников к невероятно рискованному и, пожалуй, единственно верному выводу – необходимо ударить в самое сердце угрозы, таящееся в цитадели Багрового Мира…

Виктор Точинов

ОСВОД. Челюсти судьбы

Часть первая

Море волнуется, раз…

Глава 1

Первый день весенних каникул

Когда я ходил в первый класс, то просыпался от звуков детской передачи «Пионерская зорька», хотя был всего лишь октябренком. Но просыпался. Мать за стеной увеличивала громкость радиоприемника, и бодрая песенка – каждый день одна и та же, одна и та же – командовала: без двадцати восемь утра, пора вставать, завтракать, собираться в школу… Я ненавидел эту передачу и эту песенку и считал, что более отвратительных звуков в мире не существует. Я клялся себе страшными клятвами, что никогда и ни за что не вступлю в пионеры, лучше сбегу в тундру, тайгу, безлюдную пустыню – но не вступлю.

И не вступил, хотя сбегать в тундру не пришлось, – Всесоюзная пионерская организация вскоре как-то сама собой рассосалась, вместе с Союзом и «Пионерской зорькой». Проклятая песенка больше не врывалась в утренние сны. Я начал просыпаться по будильнику, и очень скоро мое мнение о самых отвратительных в мире звуках изменилось. Их, эти звуки, придумали конструкторы Ереванского часового завода, когда трудились, создавая будильник «Бирюза».

Годы спустя я вспоминал и армянских часовщиков, и неблагозвучные трели их детища с ностальгической теплотой – все пять курсантских лет, когда просыпался в казарме от зычного крика: «Рота, подъем!»

Ныне меня будит Дана. Я ее вообще-то нежно люблю, но по утрам… По утрам ее мелодичный голос кажется мне микстом из мерзкой «Зорьки», мерзкой трели будильника и мерзкого вопля дневального.

– Сереженька, пора вставать!

Я промычал что-то невразумительное, пытаясь нырнуть поглубже в сон и там укрыться от неизбежного.

Фраза повторилась, ровно с теми же интонациями, но погромче:

– Сереженька, пора вставать!

– Дана, давай ты сама поднимешь детей… – забормотал я. – И накормишь… А я еще совсем чуть-чуть посплю… А потом отведу их в школу, честно.

Чтобы выдать эту тираду, обосновывающую святое и неотъемлемое право граждан на утренний сон, мне пришлось проснуться. Не совсем, не до конца, но пришлось. И кое-что вспомнилось…

– Дана, у тебя проблемы с памятью! – возмутился я, от возмущения включаясь окончательно. – Какая школа?! Сегодня первый день каникул!

– В школу детям не надо, – согласилась Дана. – Иначе я разбудила бы тебя полтора часа назад. Я сама их и подниму, и накормлю. А тебе пора собираться на службу.

Служба – это святое… И я живенько оказался на ногах и вскоре очутился в ду?ше, где смыл с себя остатки сонливости. Протопал на кухню, вынул из микроволновки завтрак, разогретый Даной, и сварливо поинтересовался:

– А где мой кофе?

Она ответила через кухонный динамик, причем в точности скопировала мою сварливую интонацию:

– А кто не подключил меня вчера к кофемашине? Завари растворимый быстренько…

– Домомучительница!

Другого ответа у меня не нашлось. Ненавижу растворимый… Ну да, сам виноват, но не повод же для попреков… Кофеварка в нашей кухне стоит навороченная, но без блока беспроводного управления, все никак не соберусь его купить и поставить. А вчера опять не состыковал разъем, позволяющий Дане руководить действиями этого агрегата…

Дана, если кто-то еще не догадался, – мои самообучающиеся «умные часы». За шесть лет нашего плотного знакомства она самообучилась разным вещам, не описанным в рекламных проспектах. Даже врать научилась (для моего, как постоянно утверждает, блага). По крайней мере, если во время просмотра футбольного матча Дана скажет, что пива в доме больше нет, – верить ей нельзя, лучше самому сходить к холодильнику и убедиться.

Иногда, рассердившись на Дану, я угрожаю отформатировать ей память и начать процесс обучения заново, с учетом всех ошибок. Но, разумеется, никогда этого не сделаю. Все-таки член семьи, хоть и электронный. Так и живем…

* * *

Или наша негромкая пикировка разбудила Маришку, или ее внутренние часы не успели перестроиться на каникулярный лад, но когда я совсем собрался уходить, дочь выскочила в прихожую – как спала, так и выскочила, босиком и в ночной пижаме. Сын не появился, он в смысле утреннего сна мало отличался от меня.

Пришлось задержаться, поздороваться, поцеловать, тут же попрощаться, повторив вчерашние директивы:

– Ложись и досыпай, или не ложись, если не хочешь, поиграй, но Марата не буди. Дана разогреет вам завтрак, съешьте всё. В полдень придут Наташа с Ларой, и вы все вместе отправитесь в зоопарк. Слушайтесь и Дану, и Наташу, приду – проверю.

Без Даны на запястье я чувствую себя в непривычном одиночестве… Но сегодня придется ее оставить приглядывать за детьми.

– Ну конечно же, папочка, мы непременно будем слушаться, – прямо-таки проворковала Маришка.

Судя по хитрющему виду дочери, у них с братцем уже заготовлен на каникулы длинный список шалостей, каверз и даже хулиганских выходок… У Даны-то особо не забалуешь, живо отключит детские каналы на телевизоре и заблокирует выход в Интернет. А вот Наташа, младшая моя сестра, часто

потакает племяннице и племяннику. Да и я только стараюсь казаться строгим папой, и не всегда удачно. Нелегко растить двоих детей в одиночку и не баловать их…

Словно подслушав мои мысли, Маришка произнесла задумчивым и почти взрослым тоном:

– Весна пришла… А мама скоро вернется?

– Конечно же, малышка, она скоро вернется… – ответил я, постаравшись сделать вздох незаметным.

Она, так же как и брат, считает, что мама уехала надолго погостить к своему отцу, их дедушке… Знать правду им рановато.

Маришка еще раз поцеловала меня и отправилась в спальню.

– Время выхода из дома было полторы минуты назад, – напомнила Дана, тактично не вмешивавшаяся в разговор отца с дочерью.

– Бегу, уже бегу… – отмахнулся я, но никуда не побежал: приник к экранчику домофона, пощелкал клавишами.

Некоторые перед уходом проверяют: выключен ли утюг, свет и газ, не бежит ли вода из крана, – а у меня такой вот всенепременный ритуал, за утюгом-светом-краном проследит Дана.

Все оказалось в порядке. Никто не поджидал меня ни на лестничной площадке, ни у лифта, ни этажом ниже, ни этажом выше… А случалось всякое, с моей-то службой.

* * *

Поджидали меня внизу, у каморки консьержа. Аж трое: двое в полицейской форме, в сером городском камуфляже, третий – в штатском.

Камуфляжники словно невзначай перехватили поудобнее свои укороченные автоматы, а штатский немедленно обратился ко мне, не позволив даже мгновение потешиться иллюзией, что заявилась троица не по мою душу:

– Гражданин Чернецов? – Вопросом слова штатского были лишь по форме, потому что он, не дожидаясь ответа, тотчас же добавил: – Нам необходимо поговорить. Пройдемте.

И, опять-таки не дожидаясь моей реакции, деловито шагнул к выходу.

Один из камуфляжников сделал недвусмысленное движение автоматным стволом: двигай, дескать, на улицу.

Консьерж сидел в своей норке сжавшись, стараясь быть маленьким и незаметным. Но пялился на происходившее во все глаза. Чую, покатятся сегодня по всему подъезду сплетни, обрастая, как снежный ком, проявлениями буйной фантазии… Ладно хоть не додумались задерживать жестко, с заламыванием рук и надеванием наручников, а то ктулху знает что напридумывали бы народные сказители о моей истинной сущности, скрываемой от окружающих.

В общем, я отложил до поры все проявления возмущения и недоумения, решив сократить до минимума сцену, созерцаемую консьержем. Тоже шагнул к выходным дверям, всем видом демонстрируя полнейшее спокойствие, даже равнодушие. Мол, так все и запланировано в моем рабочем ежедневнике – 9:27, рандеву с полицейскими-автоматчиками и штатским, не пойми кем.

Но внутри, вопреки внешнему спокойствию, тревожным колокольчиком позвякивал сигнал: все не так, все неправильно…

Порадовавшись, что дело обошлось без наручников, я поспешил. В микроавтобусе с затонированными стеклами (к нему мы прошагали прямиком от подъезда) мне первым делом предложили вытянуть вперед руки. И тут же защелкнули браслеты на запястьях.

Оковы оказались далеко не стандартными. Покрывавшая их черная краска не смогла скрыть цепочку не то упрощенных иероглифов, не то усложненных рун, – короче говоря, каких-то знаков, мне неизвестных. А в одном месте краска стерлась, облупилась, и выглянувший из-под нее серебристый металл был чем

угодно, но только не сталью. Чувство неправильности происходящего уже зашкаливало.

– И отчего же вы, гражданин Чернецов, не интересуетесь причинами вашего задержания? – спросил штатский.

Он вольготно развалился на сиденье напротив меня. Автоматчики были где-то за спиной, вне поля зрения. Водительское место и два пассажирских рядом с ним отделяла от салона стеклянная перегородка, тоже затонированная, – кто находится там, я разглядеть не мог.

– Жду, когда вы все мне объясните. И заодно жду, когда же наконец представитесь.

– Ах да… Совсем забыл… Ротмистр Соколов, отдел особо тяжких преступлений ГУВД.

Он вынул красную книжечку удостоверения, распахнул и тут же схлопнул. Фотографию я разглядеть не успел, фамилию и должность не прочитал… Да и пусть – при современном развитии копировальной и множительной техники не проблема состряпать себе хоть корочки Президента Галактики. Ротмистр так ротмистр, особо тяжкие так особо тяжкие…

Повисла пауза. Наверное, ротмистр ждал вопроса: чем же моя скромная особа заинтересовала столь серьезное подразделение ГУВД? Не дождался и начал сам:

– Вы, гражданин Чернецов, подозреваетесь в совершении преступления. Где вы были сегодня с шести до восьми утра и чем занимались?

– Был у себя дома… И занимался тем, что спал.

– Кто может это подтвердить?

– Вмятина на подушке, больше никто… – сокрушенно ответил я.

Дети тоже спали, а про Дану и заикаться не стоило. Показания электронных созданий никакой юридической силы не имеют.

– Шутки шутите? – неприязненно осведомился ротмистр Соколов. – В главк приедем, не до шуток вам будет, уверяю.

Однако микроавтобус не спешил ехать в главк или в какое-то иное место, так и стоял на месте.

– А пока не приехали, – продолжил Соколов развивать тему, – у вас, Чернецов, есть последний шанс: оформить прямо сейчас чистосердечное признание и явку с повинной. Между прочим, это реальный шанс смягчить наказание.

– Я бы и рад повиниться, мне скрывать нечего… Но в чем? Я что-то взорвал? Кого-то убил? Изнасиловал? Совершил разбойное нападение?

– Убил, убил… – произнес глубокий баритон у меня за спиной. – И съел.

Нет, то не подал голос один из камуфляжников, они так и остались статистами без реплик. Человек, произнесший эти слова, до сих пор на глаза не показывался. А теперь показался: пробрался – пригибаясь, был он высок ростом – в переднюю часть микроавтобуса, уселся напротив, положив на колени ноутбук и потеснив ротмистра, – тот сменил вальяжную позу и подвинулся с торопливостью, свидетельствующей о подчиненном положении Соколова относительно вновь прибывшего.

Новый персонаж был блондином лет сорока пяти на вид, с ледянистыми голубыми глазами и тонкогубым неулыбчивым ртом. Сейчас эти глаза уставились на меня, а губы быстро выпалили вопрос, казавшийся неуместным и нелепым:

– В каком городе жил Иммануил Кант?

– Ну-у… В Калининграде… – ответил я, слегка ошарашенный. – В смысле, в Кенигсберге.

– И чем он знаменит? Не Кенигсберг, а Иммануил Кант?

С этим сложнее… Труды философов не входят в круг моего повседневного чтения, каюсь, моя вина. Труды Канта в том числе. И никогда не входили. Я

напряг память, но она ни к селу ни к городу выдала что-то несуразное о Соловках… Но затем все-таки всплыло нечто подходящее, и я радостно отрапортовал:

– Он знаменит тем, что придумал императив. Категорический.

Поведав то единственное, что вспомнил о Канте, я от души надеялся, что меня не попросят сформулировать пресловутый категорический императив. А то ведь срежусь на этом сюрреалистичном экзамене.

Блондин, однако, потерял интерес к философии. Сказал, обращаясь к ротмистру:

– Это был не Дарк. Иначе бы не вспомнил сейчас, кто такой Кант. А слова «категорический императив» вообще бы не выговорил…

– А кто же тогда? – спросил ротмистр Соколов с искренним недоумением.

– Иммануил Кант! Воскрес специально для такого случая! – ответил блондин крайне раздраженно.

Впрочем, что я все заладил: блондин да блондин… В иной, менее экстремальной обстановке, я называю его за глаза ЛБ (сокращение от Литл Босс), а в глаза боссом. Потому что имя-отчество, стоящее у него в документах – Казимир Сигизмундович, – выговаривать долго. А настоящего имени я не знаю. И никто не знает, кроме вышестоящего начальства: ББ и того, о ком говорить не принято.

– И что же доложить на научном совете? – Недоумение Соколова сменилось явной растерянностью.

ЛБ глянул на него так, что казалось: сейчас ударит. Или, по меньшей мере, взорвется длинной нецензурной тирадой. Обошлось без того и другого, но пару лет жизни у г-на Соколова испепеляющий взгляд босса точно отнял. Это, кстати, не метафоры. И про пару лет, и про испепеляющий – не метафоры…

– Раз уж алиби установлено и подтверждено, может, расстегнете браслетики? – вклинился я в их задушевный диалог.

Ротмистр (хотя какой он ротмистр, не смешите ктулху ради… но пусть пока именуется так) вопросительно посмотрел на ЛБ. Тот кивнул, и Соколов полез в карман за ключом.

В отличие от наручников, ключ никто не озаботился покрасить маскирующей черной краской. Судя по оттенку, был он сделан из какого-то сплава на основе серебра. Бородка имела весьма сложную форму, так что согнутой проволочкой эти наручники не отомкнешь. И почему у нас в отделе нет такого полезного аксессуара? Пользуемся при нужде полицейским ширпотребом… Надо будет при случае поднять вопрос перед боссом.

С наслаждением размяв руки, начавшие затекать, я наконец озвучил вопрос, что от самой каморки консьержа не давал мне покоя:

– И в какой деревенской самодеятельности, босс, вы откопали клоунов для этого шоу?

– На чем же мы прокололись? – быстро спросил ЛБ.

– Да на всем… И отдела такого в ГУВД нет, и задержания так не проводят, про наручники вообще молчу… А форма? Эмблемы спецотряда «Горгона» плохо сочетаются с нашивками речной милиции, давненько упраздненной. Совсем не сочетаются… На какой-нибудь малобюджетной киностудии реквизит одолжили? Автоматы-то хоть стреляют? Или бутафорские?

– У нас был час на всю подготовку, – мрачно произнес лжеротмистр. – Посмотрел бы, как вы, Чернецов, управились бы за такой срок…

Босс вступился за него:

– Было бы у тебя рыльце в пушку, Сергей, ты бы нашивки с эмблемами не разглядывал, сразу бы в бега рванул.

– Нельзя ли про пушок и рыльце рассказать чуть подробнее? А то сижу и ничего не понимаю.

На самом деле я уже догадывался, в чем меня заподозрили и что проверяли… Но больно уж невероятной выглядела догадка.

– Да что тут рассказывать… – ЛБ распахнул ноутбук. – Посмотри сам, впечатляет. Присаживайся поближе. А ты, Соколов, отсядь вон туда, ты это кино видел. И водителю скомандуй: к Институту.

Мы с фальшивым полицейским послушно совершили рокировку. Значит, он и в самом деле Соколов. Но не ротмистр, ставлю на кон что угодно. Готов съесть его самопальное удостоверение.

Ну-с, что тут у ЛБ за кино?

Глава 2

Интересное кино

В прежние времена сыщики работали неторопливо и вдумчиво. Дотошнейшим образом изучали место преступления и оставленные там мельчайшие следы, привлекали экспертов, просеивали мелким ситом множество людей в поисках тех, кто мог что-то видеть и слышать… И лишь затем, на основе полученных данных, начинали кропотливо выстраивать картину преступления.

Теперь все иначе, новое время – новые песни. Современным сыщикам сразу вынь да положь картину преступления, в цвете и динамике. И они, сыщики, первым делом изучают ютуб и схожие сетевые ресурсы: а не появилось ли свеженькое видео на интересующую тему? Не использовал ли какой-то несознательный гражданин-очевидец свой телефон не для звонка в полицию, а для съемок интернет-хита?

Зачастую такой подход к расследованию срабатывает. Чаще, чем хотелось бы, срабатывает. Много, слишком много у нас несознательных граждан, желающих любой ценой прославиться, и почти у каждого – встроенная видеокамера в мобильнике.

Короче говоря, фильм, который демонстрировал мне на своем ноутбуке ЛБ, был смонтирован из трех любительских видеозаписей. И уже при просмотре первой стало ясно, какое отношение вся эта история имеет ко мне. Прямое и непосредственное. Причем по двум линиям сразу: и как к руководителя ОСВОДа, и, так сказать, личное…

…Снимали (не телефоном, любительской камерой) откуда-то с Адмиралтейской набережной: шикарный вид на ночную Неву, на Дворцовый мост и Васильевский остров… Цифры в уголке экрана свидетельствовали: дело происходило в субботу вечером, в 22:47, то есть со времени съемки прошло менее полутора суток.

За кадром раздавались голоса, принадлежавшие, судя по всему, туристам, гостям города. Было их пять или шесть – одни бессвязно и вразнобой восхищались видами ночного Питера, параллельно два мужских голоса деловито обсуждали, в каком кабаке завершить первый день знакомства с городом.

Длилась мирная часть записи сорок две секунды… Я успел заскучать, а двое мужчин почти пришли к консенсусу. «Смотри! Снимай! Снимай же!!!» – женский крик заставил меня встрепенуться, а мужчин за кадром замолчать.

Камера дернулась. С экрана исчезла красиво иллюминированная Стрелка с подсвеченными Ростральными колоннами. Теперь в объектив попадала Нева неподалеку от набережной – темная вода, отражающая многочисленные огни.

И эту темную воду разрезал – наискось, направляясь против течения и к середине Невы – большой треугольный плавник.

Акула…

* * *

Так я и сказал боссу, нажавшему на «стоп», когда плавник исчез из кадра.

Не косатка, не дельфин – акула. Точно вид не определить, хотя некоторые можно отсеять сразу. Размер тоже не определить, рядом нет ничего для сравнения… Но если провести контрольную съемку с той же точки такой же камерой… Тут ЛБ прервал мою речь без слов, жестом. Он, без сомнения, не хуже

меня знал и понимал эти тривиальные вещи. Однако не молчать же, когда прямое и непосредственное начальство уставилось на тебя вопрошающим взглядом?

– Запись мы обрезали, – сказал ЛБ. – Есть и полный вариант, но, думаю, тебя тоже не заинтересуют охи, ахи и дилетантские версии… А у нас первоначальная версия была вполне очевидная: ОСВОД гуляет, празднует первое весеннее полнолуние… Поэтому за твое задержание я даже не извиняюсь. Сам виноват, что создал себе такую дурную репутацию.

Я понуро молчал. Так вот и бывает в жизни: стоит один раз оступиться – и готово дело: следом потянулся шлейф, как за летящей к Солнцу кометой, только не из космической пыли – из слухов и необоснованных подозрений…

ЛБ помолчал, давая мне возможность осознать и проникнуться. Затем продолжил:

– Похожих роликов в Сети появилось пять или шесть. Этот угодил в подборку, поскольку был первым по времени съемки. Следующий зафиксировал второй эпизод наиболее полно…

Он вновь запустил воспроизведение. Пару секунд на экране еще виднелась темная вода Невы и звучали закадровые комментарии – и впрямь никому не интересные.

Затем картинка резко изменилась. На сей раз снимали мобильником, засветло (дата и время на экране отсутствовали) и в другом месте – примерно напротив впадения Охты в Неву. Причем съемку вел человек, мало привычный к операторской работе, он не догадался повернуть телефон, и в результате изображение занимало лишь центральную треть экрана.

Но основа сюжета осталась прежней – вновь акулий плавник бессистемно чертил водную гладь вдали от берега, то и дело меняя направление и скорость движения.

Продолжалось все дольше, чем на первой записи, около четырех минут. Спутников у оператора не было, и он отпускал свои комментарии в никуда, безадресно, всей Вселенной… Едва ли Вселенная слышала, но потеряла

немного, – состоял звукоряд в основном из эмоциональных междометий и малоцензурных восклицаний. Потом плавник исчез – очевидно, его обладатель погрузился глубже.

– Ну, что скажешь? – ЛБ вновь прервал просмотр.

– Я, конечно, не кинокритик… Но не «Челюсти», далеко не «Челюсти». И снимал не Спилберг, и вообще экшена маловато. Даже если перемонтировать и наложить хороший саундтрек, – все равно не «Челюсти», и американская киноакадемия…

Я осекся. Судя по лицу босса, ему было сегодня не до шуток. Пришлось резко сменить тон:

– Скорее всего, сельдевая акула, – отрапортовал я, чувствуя, что опять изрекаю азбучные истины. – В нашей части Балтики только они и встречаются. Пресную воду недолюбливают, но все же порой заплывают. У Аландских островов, в практически пресной воде, они временами попадаются. За последний век зафиксированы три случая их появления в Неве, – это, надо полагать, четвертый. Достаточно крупная для сельдевой, не меньше двух метров.

– Больше… – внес коррективу босс. – Значительно больше. На третьей записи увидишь…

Хм… «Значительно» – это сколько? Вообще-то для сельдевой даже три метра – размер очень внушительный, почти предельный. Но по спинному плавнику судить об общих габаритах трудно. Когда двухметровая акула дорастает до четырех метров, спинной плавник у нее увеличивается не вдвое, как можно было бы ожидать, – процентов на двадцать-тридцать, в зависимости от вида. Надо полагать, в третьей серии залетная рыба покажется во всей красе… Вернее, во всей длине.

Просмотр «Не-Челюстей» возобновился. Я ожидал, что зрителей вновь порадует самодеятельный оператор, стоящий на берегу, – и ошибся.

В кадре мелькнула набережная, кажется, Октябрьская, – простая, пролетарская, в сравнении с чопорным гранитом набережных центра. Но откуда снимают? Не с противоположного берега – слишком близко. И не с прогулочного пароходика –

слишком низко находится точка съемки.

Эта запись оказалась атрибутированной, снимали совсем недавно – сегодня утром, три с небольшим часа назад.

Камера повернулась, и я все понял. В кадр попала двухместная байдарка, или каяк, я не сильно их различаю. Но не каноэ точно – весла у обоих гребцов двухлопастные.

До каяка было всего ничего, метра три-четыре. Передний гребец повернулся вполоборота. Я увидел, что голову его украшает налобная видеокамера. И сообразил, что съемка ведется с другого каяка, плывущего следом. Скорее всего, на такую же экшен-камеру.

Разнообразия ради ЛБ начал комментировать, не останавливая воспроизведение:

– Туристы-водники. Открыли в эти выходные сезон, сплавились по речке Тосне, затем по Неве до города.

– Рановато… До майских плавать на таких скорлупках… Я бы не рискнул. Вернее, я-то бы рискнул, но другим не стал бы советовать.

– Мир богат дураками…

Звук у записи отсутствовал. Но я видел, как турист из переднего каяка – тот, с камерой – перестал грести, отложил весло, уставился куда-то влево и что-то возбужденно говорит, показывая рукой на реку. Заметил тот самый плавник? «Наша» камера тоже повернулась туда, но ничего, кроме реки и дальнего берега, я не увидел.

– Смотри внимательно, сейчас начнется самое интересное, – пообещал босс.

«Но сначала небольшая реклама», – мысленно дополнил я тираду, и тут-то все началось.

Турист, показывавший на реку, так и не взялся за весло, не продолжил греблю, он что-то говорил, почти развернувшись назад, очень экспрессивно, помогая себе жестами, когда вода взметнулась вверх, но не там, куда он указывал, а как раз между двумя каяками.

Щедрая порция невской водички угодила на объектив камеры (и наверняка на лицо ее владельца). Не беда, экшен-камеры водонепроницаемы, но вымахнувшая из Невы туша была видна сквозь слой воды смутно и несколько искаженно.

Понятно, что акула, но вид я с лету определить не смог. Не сельдевая – и расцветка другая, и пропорции не те, да и размер великоват для сельдевой: метра четыре, не меньше.

Удар хвостом пришелся по ведущему каяку. Снова вверх взметнулась вода, опять залила объектив. К тому же каяк, с которого велась съемка, запрыгал на волнах, что тоже не способствовало качественной работе оператора.

Когда все устаканилось, на воде покачивался перевернутый каяк, чуть ниже по течению – человек в ядовито-оранжевом спасательном жилете.

Запись остановилась. Сама, без вмешательства босса. Я задумчиво рассматривал застывшую на экране картинку.

Второго туриста не было видно. Не успел выпутаться из «юбки» своего суденышка? Или, что хуже, выпутался – и не разминулся с зубастой пастью? На всякий случай я внимательно оглядел всю водную поверхность, попавшую в кадр, но нигде не заметил начинающего расходиться кровавого пятна… Что, впрочем, ничего не означало. Если рана получена не в приповерхностном слое, а чуть глубже, пятно не успело бы стать заметным даже при обильном артериальном кровотечении. Либо попросту не попало в кадр.

– Запись оборвалась? – кивнул я на экран.

– Нет, там еще много всего… Но тварь больше не показывается в кадре.

– Жертвы были?

– Травматическая ампутация правой ступни и голени.

– Легко отделался. Такая рыбешка легко и просто перекусывает человека пополам, уж я-то знаю.

– Я знаю, что ты знаешь… – произнес ЛБ с непонятной интонацией.

– Можно еще раз прокрутить момент нападения в замедленном воспроизведении? – увел я разговор в сторону от своей персоны.

– Некогда, подъезжаем. Забирай копию, – он протянул мне флешку, – и крути как хочешь и сколько хочешь, там обе версии, и полная, и урезанная.

Мы и в самом деле подъезжали. Мимо промелькнула Стела Азатота, огромным долотом вонзившаяся в серое питерское небо. Еще пара кварталов – и показалось черное здание Института, на непривычных людей оно производит мрачное и тягостное впечатление, но я давно привык.

– Через два часа внеочередной научный совет, ты присутствуешь, – порадовал босс, когда мы вкатили на территорию. – Но не просто так присутствуешь, а с предварительным планом оперативных мероприятий по пресечению этого безобразия.

ЛБ кивнул на экран, где по-прежнему красовался последний кадр «Не-Челюстей», и добавил:

– Не затягивай, времени мало. Займись планом сразу, без утреннего кофепития, именуемого у вас планеркой.

Да что же за день такой? Арестовывают, в кандалы заковывают, Дана зажала домашнюю порцию утреннего кофе, а босс теперь покушается еще и на служебную…

– Тогда высадите меня здесь, – попросил я. – Втрое быстрее доберусь до отдела, чем если буду идти от главного входа.

Дело в том, что наш Институт при взгляде сверху напоминает громадного осьминога: к массивному центральному зданию примыкают и тянутся во все стороны восемь протяженных корпусов, причем не прямых, а замысловато изогнутых. Отдел, процветающий под моим мудрым и чутким руководством, занимается делами приватными, публичности не терпящими, – и оттого дислоцируется в дальнем конце одного из «щупальцев». И от главного входа, украшенного огромными золотыми буквами НИИПРОМОК (расшифровывается как Научно-исследовательский институт проблем Мирового океана), мне до родных пенатов шагать и шагать.

Босс молча кивнул. Соколов же смотрел неодобрительно, вертя в руках наручники, – словно сомневался: правильно ли он поступил, сняв с меня это украшение? Не лучше ли все же доставить меня к высшему руководству? И пусть уж оно решает, казнить или миловать…

Но вслух свои сомнения «ротмистр» высказывать не стал. Вскоре водитель притормозил в нужном месте, я вышел.

ЛБ напутствовал:

– Чтобы в полдень как штык был на совете!

Ни разу не слышал, чтобы на научные советы или прочие институтские мероприятия кто-то заявлялся со штыками, багинетами и тому подобным холодным оружием. Но кивнул: буду. Как штык.

Дверь захлопнулась. Микроавтобус укатил.

* * *

Нужное мне место отмечал небольшой крестик, нарисованный мелом на асфальте рядом со стеной. Вернее, выглядел он нарисованным мелом, но стереть его влажной тряпкой не стоило и пытаться. Дожди и прочие погодные неурядицы тоже никак не повредили крестику за те десять лет, что я служу в Институте. Подозреваю, что он вечный – и когда Солнце погаснет, а Земля распадется в космическую пыль, среди скопления этой пыли окажутся частицы белого вещества, застывшие всё в той же крестообразной форме.

Стена над крестиком не имела никаких видимых признаков входа, даже окна там не было. Но я знал, что делаю.

Прижал обе ладони к стене, постоял так несколько секунд. Почувствовал, как холодный облицовочный камень начал нагреваться, – и отступил на шаг. На стене проступил контур равностороннего треугольника высотой около двух метров. Я произнес отпирающее Слово:

– Пх’нуууууи’нахт!

(Если судьба занесет вас в окрестности Института, не пытайтесь повторить мой фокус, ничего не получится: русские буквы не передают нюансы произношения гласных Слова.)

В центре треугольника появилось изображение глаза – большого, с хороший арбуз размером. Глаз казался, чем и был: достаточно условным изображением на камне. И одновременно выглядел тем, чем был тоже: живым глазом неведомого громадного существа.

Веретенообразный зрачок уставился на меня, а я на него. Двухсекундная дуэль взглядов – и глаз исчез, а камень, очерченный треугольником, стал на вид зыбким и полупрозрачным. Дверь открылась.

Иногда я задумываюсь: что случится, если однажды я не пройду фейсконтроль или кто-то еще не пройдет? Страж Двери высунется в наш мир, чтобы покарать за несанкционированное пользование Дверью? Или все закончится мирно и стена станет просто стеной?

Я шагнул вперед, на стену. И исчез – для взгляда стороннего наблюдателя, окажись вдруг такой во дворе. Но незваные гости по территории Института не бродят. А званых гостей встречают с почетом на главном входе и показывают им лишь то, что можно и нужно показать.

Исходя из банальной логики и эвклидовой геометрии пространства, оказаться я должен был на техническом полуподвальном этаже, на нулевом, как его еще именуют. Но Дверь работает на других принципах, и оказался я уровнем выше – шагнул из стены в коридор, тянущийся, изгибаясь то вправо, то влево, через

весь наш шестой корпус.

Поблизости никого не было, и никто не удивился моему неожиданному появлению. А если бы кто-то был – все равно бы не удивился.

Я быстро пошагал коридором, благо шагать всего ничего. Коридор казался довольно бессмысленным с архитектурной точки зрения: ни одной двери в него не выходило. Но в Институте многое выглядит не тем, чем является на самом деле…

С пингвином мы неожиданно столкнулись за изгибом коридора. Вернее, это я почти налетел на него, поскольку шагал торопливо. Пингвин же шествовал вальяжно, медленно и вразвалочку – здоровенный, императорский, и даже для императорского очень крупный.

– В Виварии совсем уж службу позабыли… – сказал я; не пингвину сказал, разумеется, – сам себе.

И потянулся к карману – позвонить раздолбаям из Вивария, чтобы забрали сбежавшую животину.

Пингвин, однако, на реплику, адресованную в пространство, ответил: вытянул шею в мою сторону, широко распахнул клюв и издал протяжный дребезжащий звук, не знаю уж, что означающий на пингвиньем языке… В нос мне ударило мощное амбре несвежей рыбы, я невольно шагнул назад.

Одновременно крохотное, атрофированное и больше напоминающее плавник крыло птицы выполняло непонятные движения, и я с легким запозданием сообразил: пингвин своей культяпкой указывает на бейджик, плохо заметный на его белой «манишке».

Сделал шаг вперед, стараясь дышать ртом, пригляделся. Бейдж проинформировал, что в человеческой своей ипостаси пингвин носит прозвище Крейзи, тотем у него (кто бы мог подумать!) – пингвин, кодовый идентификатор – ОЗ 127 и еще какие-то цифры, к которым я приглядываться не стал, все равно без таблиц не расшифруешь… Что любопытно, графы «Подразделение» и «Должность» пустовали.

– Извини, Крейзи, ошибся, – расшаркался я. – Тут Виварий под боком, и кого только не встретишь порой…

Он в ответ порадовал меня новым немелодичным звуком и новой щедрой порцией вони. Может, информировал, что инцидент исчерпан, забыто. А может, пренебрежительно высказался о моей наблюдательности и моих умственных способностях, поди пойми, – умением общаться телепатически Крейзи, похоже, не обладал.

– А меня зовут Дарк, – представился я, достав из кармана и продемонстрировав бейдж, пусть знает, с кем имеет дело. – Я тут в ОСВОДе служу, ты заходи, если возникнут проблемы.

Пингвин ничего не ответил и пошлепал своей дорогой… Ну и ладненько, мало удовольствия с ним общаться. Однако индекс ОЗ заставляет задуматься: кем становится этот пернатый, сбросив перья? Буква «З» означает, что закон сохранения массы он не нарушает. Значит, либо ребенок лет семи-восьми (крайне маловероятно), либо карлик (уже теплее), либо…

Над третьим «либо» я не стал думать, поскольку дошел до конца коридора, до тупика. Двери и здесь не было, но я смело шагнул прямо на стену. Неэвклидов проход тут отсутствовал, обычная иллюзия для маскировки. Коридор за иллюзорной стеной оказался несколько длиннее, и упирался он в высокую дубовую дверь с надписью ОСВОД.

Ну вот я и дома, поскольку работа – мой второй дом. А иногда, если судить по количеству проводимого времени, – первый. Особенно, когда случаются ЧП, взятые на контроль высшим начальством, вплоть до того, о ком говорить не принято.

И чует мое сердце, что нынешнее ЧП именно из такого разряда… Жаль, что совпало по времени с детскими каникулами. Не повезло.

Глава 3

Трудовые будни ОСВОДа

Скажу сразу: к тому ОСВОДу, который «Общество спасения на водах», наше подразделение Института отношения не имеет. Загорелые ребята, дежурящие на пляжах и надзирающие, чтобы купающиеся не заплывали за буйки, – это не про нас.

Да и вообще, если строго следовать правилам великого и могучего, то отдел спецопераций в водной среде стоило бы назвать ОСОВОДом. Но не назвали. Возможно, во избежание ассоциаций с жалящими насекомыми. Или просто выбрали название, привычное для языка и слуха… В точности не знаю, ОСВОД появился в Институте значительно раньше, чем я. Однако наша деятельность – хоть и не в том ее главная цель – спасает немало жизней. Так что название правильное.

– Начальство прибыло! – громко оповестил я, входя. – Закрываем пасьянсы, откладываем сканворды, завариваем кофе и готовимся к планерке!

Злата Васильевна поздоровалась, но карты не отложила. Впрочем, она не раскладывала пасьянс – гадала. На низеньком столике из полированного гранита, используемом исключительно (Злата Васильевна следит за этим строго) для гадательных целей.

– Ну как? – спросил я заинтересованно. – Есть хоть что-то обнадеживающее в ближнесрочной перспективе?

– Увы… Много беготни и хлопот, а результат… Взгляни сам, Сереженька.

Я взглянул. В центре замысловатой комбинации лежали три старших аркана: Повешенный, Императрица и Колесо Судьбы. Даже мне, дилетанту в Таро, понятно: сочетание, оптимизма не внушающее…

К Злате Васильевне все обращаются на «вы», вплоть до высшего начальства. А она ко всем на «ты», кроме ББ (Биг Босса). Заслужила.

Лет ей больше, чем всем в отделе. В смысле, больше чем суммарно всем, вместе взятым, хотя выглядит она неизменно на сорок пять все годы нашего знакомства.

Буквенный индекс в коде у нее МОН, что означает: маг-оборотень, не связанный законами сохранения массы и энергии (у меня, увы, всего лишь ОН, но какие мои годы). И при всем при этом в полевых работах Злата Васильевна не участвует. Она консультант, она наш бессменный делопроизводитель, она… Короче, под воду с нами не ходит.

Отчего так сложилось, объясню как-нибудь потом – уже подошли девчонки с кофе, откуда-то из глубины отдела подтянулся Властимир, пора начинать планерку. Или кофепитие, как выражается ЛБ.

– Хуммель спит? – спросил я на всякий случай.

– Угу, – подтвердил Властимир.

И в самом деле, что еще делать Хуммелю на работе, как не спать? В этом его работа и состоит. Он хуанит девятнадцатой степени посвящения, и летом собирается в Мексику, за давно заслуженной двадцатой степенью…

– Пусть спит, – кивнул я. – Позже схожу к нему в сон, поставлю задачу. А пока начнем впятером.

Одно место за столом для совещаний пустовало, даже когда Хуммель не спал. Оптимальное число сотрудников для нашего отдела – семь, проверено на практике. Но по ряду причин два года назад мы остались вшестером. И все никак не можем подобрать седьмого коллегу – не так-то легко вписаться новому человеку в сложившийся и притершийся коллектив. Не-человеку тоже нелегко… В общем, несколько стажеров, претендовавших на вакантное место, ушли после окончания испытательного срока. Но мы не теряем надежду.

* * *

– Какие будут предложения? – спросил я.

Вводные слова уже были мной сказаны, обе версии «Не-Челюстей» – и урезанная, и оригинальная режиссерская, – просмотрены.

Первыми выступили со своими предложениями Ихти и Импи. Сестрички ничем не удивили, я давно привык, что все их предложения сугубо практические и лежат в области тактики. Стратегия – не их сильная сторона. Вот и сейчас они изрекали вполне здравые мысли о том, что надо создать группу быстрого реагирования на базе нашего отдела, держать ее в пятиминутной готовности, обеспечить транспортом, включая воздушный, – так, чтобы при следующем появлении акулы группа была переброшена в тот район как можно быстрее…

Вообще-то вертолет и без того выделяют ОСВОДу по первому требованию. Но порой не сразу – вертолетчики обслуживают другие подразделения Института тоже, иногда приходится ждать своей очереди от часа до суток, как получится. Ихти предложила: пусть хотя бы «Еврокоптер» будет закреплен только за нами, на чужие задания не отвлекается. Пусть стоит на площадке заправленный, готовый к взлету, с оформленным полетным листом.

Импи (она из их парочки более наблюдательная) отметила тот факт, что каждое следующее появление хищницы случалось выше по течению Невы. Значит, весьма вероятно, что акула покинет по реке пределы города, а то и заплывет в Ладогу. Надо выходить на начальство с предложением о создании разведывательных групп, мониторящих водную поверхность, в тех краях не будет гуляющих по берегам ротозеев, звонящих в МЧС…

Все звучало здраво и логично. Но…

«Девочки готовы ловить и хватать, даже не задумавшись, с чем мы имеем дело и откуда оно здесь взялось…» – телепатировала мне Злата Васильевна. Телепат она сильнейший (может незаметно читать чужие мысли, а свои надежно экранировать, равно как телепатограммы), однако, увы, с крайне ограниченным радиусом действия, – десяток шагов, не более.

«Зато ловить и хватать у них получается неплохо… – мысленно ответил я, вступившись за сестричек. – К тому же они сейчас не совсем в форме, сами знаете…»

Я искоса взглянул на Злату Васильевну – она сидела, невозмутимо помешивая ложечкой чай в стакане, ничем не выдавая, что ведет со мной приватную беседу. Злата Васильевна, единственная в отделе, кофе не пьет. Она фанатка чая, ценитель и дегустатор тончайших оттенков чайного вкуса и послевкусия…

Следующим, по старшинству, держал речь Властимир. На вид ему лет тридцать, он невысокий, кряжистый, с короткими руками и ногами. Любую проблему обдумывает основательно, со всех сторон, и не бывало случая, чтобы он что-то забыл или упустил из виду. А еще он лучше всех в ОСВОДе разбирается в компьютерных технологиях, а в качестве хобби играет в шахматы – в течение последних пяти лет Властимир бессменный чемпион Института, а сильных шахматистов здесь хватает.

– Как я понимаю, есть три варианта появления акулы в городе, – неторопливо и веско говорил Властимир. – Либо это хищница, так сказать природная, попавшая в Неву естественным путем. Такие случаи бывали, и почему бы не произойти еще одному. При этом варианте план действий, предложенный Ихти и Импи, представляется мне вполне разумным и достаточным. Второй вариант: кто-то акулу сюда притащил целенаправленно, преследуя какие-то свои цели. Тогда придется копать глубже, искать причину, а не только бороться со следствиями… Третий вариант: акула-оборотень. Спонтанная инициация, что маловероятно, или же умышленная, и тогда опять-таки придется копать вглубь: кто и зачем это сделал.

Употребив слово «маловероятно», Властимир поскромничал. Практически невероятно – так вернее. Вероятность спонтанной инициации исчисляется числом, состоящим из длинной-длинной цепочки нулей после запятой и сиротливой единички в конце.

– Предлагаю для начала поработать с последней видеозаписью, – начал закруглять свою речь Властимир. – Почистить ее компьютерным способом и точно определить вид акулы. Может, она встречается лишь в Тихом океане или никогда не заплывает в пресные воды, тогда первый вариант отпадет, и можно будет сосредоточиться на двух оставшихся. Я попробую поколдовать над файлом. Хорошо бы, кстати, получить запись со второй экшен-камеры. Возможно, на ней наша красавица видна более четко. У меня всё.

– Что скажете, Злата Васильевна?

– Скажу, что все предыдущие случаи появления в городе акул происходили до завершения постройки Кольца.

– Та-ак… – задумчиво протянул я. – Вы хотите сказать, что Кольцо для этих хищниц непреодолимо?

– И для них тоже… – обтекаемо ответила Злата Васильевна.

Я почувствовал, что разговор уходит за пределы компетенции – и моей, и всего отдела. Главные противники Кольца, до сих пор не смирившиеся с его созданием, – служители Азатота. А отношения с ними – это высшая политика, туда нам лезть не по чину…

– Если в Кольце появилась брешь или лазейка, то она должна быть где-то на Дамбе? – уточнил Властимир.

– Скорее всего, – подтвердила Злата Васильевна. – Вероятность того, что акула попала к нам из Белого моря, через Онегу и Ладогу, ничтожна. Не проплыла бы такой долгий путь, никем не замеченная.

– И эта лазейка… – начал было Властимир, но я перебил:

– Этим я займусь сам. Съезжу в Константиновский форт, узнаю, не случалось ли каких-то нештатных ситуаций.

«Если ЛБ даст добро на такую поездку, – добавил я мысленно. – Высшая политика, будь она неладна…»

– А Хуммель пусть проведет разведку в Мирах, – мягко посоветовала Злата Васильевна. – Если акула – посланец кого-то из Древних, то следы открытого для нее прохода должны еще остаться.

– Как-то мелко для Древних, – усомнилась Импи. – Заколбасить сюда акулу, чтобы та отчекрыжила ногу туристу? Не смешите мои тапочки…

Злата Васильевна едва заметно поморщилась, ее отнюдь не приводит в восторг употребляемая сестричками лексика.

Я тоже не верил в происки Древних… Ни в данном конкретном случае, ни вообще. Но в квартальном отчете отдела этот пункт будет ласкать взор

начальства. А позже пригодится на профаттестации.

– Мелко или не мелко, но пусть Хуммель проверит, – решил я. – Еще предложения есть? Нет? Тогда, Злата Васильевна, оформите все, что мы тут наговорили, в виде плана оперативных мероприятий.

Все делопроизводство в ОСВОДе лежит на плечах Златы Васильевны. Канцеляритом она владеет в совершенстве. Сегодня еще ладно, но иногда диву даешься, как наши бессвязные, а порой и бредовые мысли, высказанные на планерках, превращаются ее трудами в чеканные, комар носу не подточит, формулировки документов.

А я чуть позже внесу в план еще пару пунктов, пришедших в голову, но не озвученных перед сотрудниками отдела…

* * *

Едва планерка закончилась, позвонила с докладом Дана – все в порядке, дети разбужены, вымыты, накормлены, смотрят мультфильмы и ждут Наташу с Ларой.

Хоть что-то сегодня идет по плану… В моих же планах на сегодняшнее утро числился визит в нашу столовую и не очень приятный разговор с ее директором Мишкунцом. Вместо этого я отправился к Хуммелю – до научного совета оставалось полчаса, а мне еще изрядно шагать в зал для совещаний.

Кабинет Хуммеля напоминал не спальню, как можно было ожидать, исходя из рода его деятельности, – скорее небольшую больничную палату. Трехсекционная медицинская кровать, рядом с ней штатив для капельниц, два шкафа со стеклянными стенками, набитых шприцами и всевозможными аптечными банками-склянками.

Но сейчас владелец всей этой больничной мишуры дрых не на кровати, а полулежа в большом кресле, и к вене на его руке не тянулась прозрачная трубочка капельницы. Значит, сон не медикаментозный, естественный.

Я поздоровался.

– Привет, – ответил Хуммель, не просыпаясь.

Он очень многое умеет делать, не просыпаясь: ходить и говорить, кушать и снимать в банкомате деньги, однажды даже в ЗАГСе сказал «да», а проснувшись – подал на развод…

Но к серьезным разговорам спящий Хуммель неспособен, слишком малая часть его мозга бодрствует. Надо или будить (что не рекомендуется), или самому отправляться в его сон (но и на этом пути могут поджидать весьма неприятные сюрпризы).

– Ты не что-нибудь экстремальное снишь? – подозрительно осведомился я. – У меня после огненных демонов гаитянского ада, куда угодил твоими стараниями, две недели фантомные боли от ожогов не проходили.

– Не бойся, исключительно мирное сновидение. Умиротворяющее и в то же время бодрящее. Заходи.

Он протянул обе руки ладонями вверх, я положил на них свои ладони, почувствовав легчайшие электростатические разрядики – примерно такие ощущаются, когда снимаешь полусинтетический свитер, проносив его несколько часов.

Веки немедленно начали тяжелеть, глаза сами собой закрылись. Раньше мне требовалось несколько минут, чтобы оказаться во сне Хуммеля, теперь же все это происходит почти мгновенно. И я засыпаю стоя, уже без опасений, что оставленное без пригляда тело грохнется и расшибется, – сколько бы мы ни общались с Хуммелем в иллюзорном мире, в нашем пройдут доли секунды, и мои мышцы не успеют расслабиться.

…Ничего опасного в сновидении и впрямь не происходило. Синее, без единого облачка, небо, но солнце не жарит, температура самая комфортная. Пейзаж вокруг довольно однообразный: с трех сторон тянется равнина, заросшая высокими, мне по плечо, травянистыми растениями с листьями, собранными в зонтики. С четвертой – буквально в десятке шагов от меня – круто, почти отвесно, поднимается склон холма, поросший травой более привычного вида и размера. Но вопреки обыкновению тоненькие ее стебельки тянутся не вверх, а

вниз – очевидно, выросли они слишком слабыми, неспособными противостоять гравитации.

Что творится в дальних окрестностях, я разглядеть не мог. Чем дальше от меня, тем растения становились выше, раскидистей, и через пару сотен шагов стояли уже мачтовыми соснами. Похоже, и я, и холм находились в зоне какой-то аномалии, где местная флора в полную силу расти не могла, а чуть дальше начиналась не то травяная тайга, не то травяные джунгли.

Персонажей в сновидении Хуммеля не наблюдалось от слова «вообще», даже самого творца здешнего мира я нигде не видел. Если он прилег подремать среди высоких стеблей, пойди найди его. Хуммель, он такой, и в собственном сновидении может решить вздремнуть… Любит это дело.

Решив, что никакой опасности нет, я немного поспешил. Запах от растительности шел резкий, терпкий, прямо-таки одуряющий… Казалось, он с каждым мгновением становится сильнее, и я старался дышать пореже и не слишком глубоко. Взаимосвязь астрального и реального тел – штука тонкая, и если первое из них чем-то надышится, ктулху знает, как это отразится на втором…

Ко всему прочему здесь имелась сейсмоактивность – почва ощутимо содрогнулась под ногами, но парой слабых толчков все и ограничилось. Не страшно, переживу… Нет ни зданий, способных похоронить под обломками, ни гор, готовых похоронить под лавиной. Однако хотелось бы наконец встретиться с автором этой безлюдной пасторали.

– Ху-у-у-умме-э-э-эль! – проорал я во всю мощь астральных легких.

– Да здесь я, что вопишь… – отозвался голос Хуммеля, какой-то странный и искаженный.

Он показался из-за изгиба холма. Выглядело астральное альтер эго Хуммеля молодцевато: плечи стали шире, животик исчез. Лицо, возможно, тоже помолодело и чисто выбрито, но я об этом мог лишь строить предположения, – респиратор, натянутый нашим сновидцем, не позволял толком разглядеть его физиономию.

– Надевай скорее, – пробубнил он из-под своего намордника, протягивая мне второй аналогичный аксессуар. – Концентрация испарений ТГК в воздухе тут запредельная.

– Интересные дела… – пробормотал я, натягивая респиратор, и продолжил уже глухим бубнящим голосом:

– Я-то ладно, но как тебе может повредить твое собственное сновидение? Неужели не можешь превратить тетрагидрокан во что-нибудь более безобидное? В аромат лесных фиалок, например?

– Не могу… Дело в том, что мы сейчас не просто в сновидении… Это Истинный Мир.

– Простенький какой-то… – усомнился я. – Незатейливый. Без фантазии сделанный… Я бы такие Миры мог придумывать десять на дню, не особо перетруждаясь.

– Придумать любой дурак может, без обид… А вот попробуй сделать так, чтобы Мир работал, чтобы действительно отражал все мироздание во всех деталях и тонкостях и чтобы мироздание отражало его… Вот это задачка для мастера.

– Погоди, погоди… Так это не чужой Мир? Твой?

– Мой. – Даже респиратор не помешал расслышать в коротком слове Хуммеля безмерную гордость творца.

Тогда понятно… Сложные и изощренные Истинные Миры могут создавать космократические Силы, а могут и люди, но тогда их творит коллективное бессознательное целых народов (как недоброй памяти гаитянский ад). А сотворить пусть простенький, но работающий Мир в одиночку… Снимаю все претензии.

– Нечто вроде дипломной работы? – догадался я. – На двадцатую степень посвящения?

– Можно сказать и так.

– И как тут все устроено? Только объясни коротко, в двух словах…

– В центре Мира – там, где мы сейчас – постоянно спит Конопляный Медведь и видит очень сложный многослойный сон. Собственно, ему снится вся наша Вселенная во всей полноте и многообразии…

– Где?

– Что «где»?

– Берлога медведя где? Хочу взглянуть одним глазком на миродержца…

– Хм… Ты давно из-под воды? Что-то притормаживаешь… Вообще-то ты на Медведя уже смотришь. И не одним, а двумя глазами.

Не понял… А потом понял.

– Ох… Ничего себе топтыгин…

Я задумчиво рассматривал то, что до сего момента считал травянистым холмом. Была бы шерсть не зеленой, а бурой, сообразил бы раньше.

Но толком рассмотреть ничего не удавалось – слишком близко. А подальше не отойти, высокие стебли заслонят весь вид на исполинского медведя. Чтобы полностью насладиться зрелищем спящего супермишки, нужен вертолет, или аэростат, или способность к левитации.

Почва вновь содрогнулась.

– А ты не можешь как-то справиться с землетрясениями? Как бы не разбудили они косолапого…

– Нельзя, – покачал головой Хуммель. – Это имманентная характеристика Мира. Тектонических процессов тут нет – Зеленый Крот подкапывает основы мироздания на нижнем уровне, и будет подкапывать вечно…

«А когда вечность закончится, состоится Рагнарек или что-то в этом роде…» – мысленно закончил я. Экзаменационной комиссии, или кто там будет оценивать творение Хуммеля, стоило бы поднять вопрос о плагиате… Заменил Мировое Древо на конопляные джунгли, но суть-то та же…

Впрочем, оставим хуанитам их проблемы. У ОСВОДа и своих хватает… И я, отпустив Миру и его создателю несколько комплиментов, перешел к сути дела.

– Ого… – сказал Хуммель, выслушав меня. – Это называется найти иголку в стоге сена… Древние ведь не сидят кучей в одном месте, они после изгнания шатаются по Мирам, причем поодиночке.

– Алгоритм поиска иглы в стоге придумать не так уж сложно, – парировал я. – Сжечь, например, стог и пройтись по пеплу сильным магнитом, – и вот она, твоя иголочка.

– Ну-ну… Только для шитья она едва ли будет пригодна… – гнул свое сонный упрямец. – Ты представляешь объем работы? Отследить перемещения каждого за последнее время, исследовать оставшиеся на пути следы проходов, а их наверняка будет немало… А если они обнаружат слежку? Ты хорошо обдумал последствия?

Я последствия не обдумывал и задачу ставил Хуммелю исключительно для галочки в отчете. Но подчиненному о том знать ни к чему, и я уверенно заявил:

– Не бери в голову… Слишком разный масштаб – ты бы обнаружил выслеживающего тебя муравья? Обратил бы на него внимание?

– Все равно возни на многие недели астрального времени… – не сдавался Хуммель.

– Начни с Дагона и Атаргатис, – посоветовал я. – Выбор акулы прямо указывает на кого-то из этой парочки…

– Думаешь, только ты это понимаешь? Использовать для отвода глаз обитателя чужой стихии – довольно логичный ход, тебе не кажется?

– Не усложняй. Они чужды нашей логике. И не нуждаются в том, чтобы отводить нам глаза.

– Ну ладно… – нехотя согласился Хуммель. – Попробую просканировать доступные Миры, может, что-то и зацеплю… Ладно, пора прощаться, мне тут надо кое-что подтянуть, закончить с одной проблемкой…

Вокруг чуточку потемнело… Я поднял взгляд, уверенный, что на солнце наползло облако – должны же здесь пролетать облака, и даже дождевые тучи, не то вся зелень загнется без полива…

Но над нами проплывало не облачко. И не туча.

– Ну и пташка… – восхитился я. – Надеюсь, она не имеет обыкновения гадить в полете на головы?

Законы реальной физики и реальной аэродинамики не позволяют летать птицам, весящим даже центнеры, а здесь счет шел на многие тонны. На знаю уж, что поддерживало в небе крылатое творение Хуммеля, размерами превышающее широкофезюляжный лайнер. Разве что поднимающиеся вверх густые испарения ТГК.

– Зеленый Гусь… – сказал Хуммель раздраженно. – Никак не стабилизировать его на верхнем уровне… Ты ступай, Дарк. В смысле, просыпайся. Я займусь Древними, но сейчас немного не до…

Мегагусь издал зычный крик, заглушивший окончание фразы. Акустический удар был еще тот… И не только акустический – высокие стебли гнулись, как при шквальном ветре, по холму, вернее, по боку медведя прошла крупная дрожь, вызвав новые содрогания почвы… Да, Мир действительно недотянут… Сырой, недоработанный.

Хуммель что-то выкрикнул – но я лишь увидел, как дергается его челюсть под респиратором, – и резким движением руки буквально вышвырнул меня из сновидения.

– Не слишком-то вежливо… – сказал я спящему Хуммелю, открыв глаза в нашей реальности.

– Глупо обижаться на случившееся во сне, – выдал спящий свою стандартную отмазку.

Глава 4

Научный совет и его неожиданный финал

Явился на научный совет я ровно к двенадцати, минута в минуту. Но тот, кто считает, что все заседание я просидел как равный среди корифеев-небожителей Института, – тот несколько переоценивает мое всемирно-историческое значение.

Пришлось достаточно долго дожидаться вызова в приемной, среди полутора десятков других сотрудников, чье мнение по тому или иному обсуждаемому вопросу интересовало небожителей. Среди них корпулентной фигурой выделялся Капитоныч по прозвищу Бивень, начальник ОБВОДа, конкурирующей, так сказать, фирмы…

Хотя, по задумке, мы с Отделом безопасности в водной среде конкурировать никоим образом не должны – напротив, оказывать друг другу содействие в выполнении близких, но не пересекающихся задач.

На деле же они пересекаются сплошь и рядом… Нынешнее дело акулы, чтобы далеко не ходить за примером. Угрожает безопасности и требует мер по ее усилению? Именно так. Для решения задачи необходима спецоперация? И это верно.

Отношения у нас с ОБВОДом примерно как были у мушкетеров короля с гвардейцами кардинала. Вроде и одному делу служим, но…

Наверное, логичнее всего объединить щит и меч – то есть оба наших отдела – под единым руководством (кто станет руководить объединенной структурой, вопрос спорный, – я, хоть убейте, служить под началом Капитоныча не стану). Но

курируют ОСВОД и ОБВОД два разных вице-директора, тоже имеющих весьма сложные отношения, – так что объединения в обозримом будущем ждать не приходится.

– Здорово, пластинчатожаберный! – душевно приветствовал меня Капитоныч.

– И тебе не кашлять, китообразный, – ответил я меланхолично.

А сам подумал: в руках у него прозрачная папка с какими-то листками, распечатанными на принтере. Наверняка принес свой план действий. Интересно, насколько он пересекается с тем, что породил коллективный разум ОСВОДа?

Решив, что сказано достаточно и дань формальной вежливости отдана сполна, коллега-конкурент отошел на другой конец приемной и повернулся ко мне спиной. Да и я не горел желанием с ним общаться.

Среди собравшихся время от времени происходила ротация. Одни, повинуясь неслышимому зову, заходили в зал для совещаний, другие выходили. Среди последних оказался г-н Заблудовский, институтский зампокульт. Вышел и уставился на меня, словно вспоминая что-то.

В руках Заблудовский держал блокнотик – обыкновенный, бумажный. Перелистал его странички с необыкновенной скоростью и ловкостью, нашел искомое и радостно объявил:

– Ага, Дарк… Ты почему не был на последнем жертвоприношении?

Ну не объяснять же ему, что в субботу дети закончили четверть, получили табели с оценками и у семьи Чернецовых случился по сему поводу маленький семейный праздник. И променять этот праздник на двухчасовое выслушивание набивших оскомину заунывных мантр с довольно неэстетичным зрелищем в финале мог только полный идиот…

Объяснять я не стал, отделался фразой из древнего анекдота:

– Знал бы, что оно и в самом деле последнее, – пришел бы непременно.

– Смотри, Дарк… Дошутишься. На первый раз просто предупреждаю. На второй – вызовем на ковен и хорошенько пропесочим. А там и до отлучения дело может дойти, как знать…

Заблудовский, хоть он дурак и демагог, жизнь и впрямь может испортить любому… А большой ковен, состоящий из жрецов тринадцати культов, имеет широкие полномочия (слишком широкие, на мой взгляд) – от лишения квартальной премии до развоплощения.

Осознав реальность угрозы, я не начал оправдываться, но всем видом постарался изобразить смущение, раскаяние и желание исправиться. Зампокульт, очевидно, остался доволен моими мимическими потугами – не прощаясь, пошагал дальше, то поглядывая в блокнотик, то зыркая по сторонам. Высматривал других прогульщиков, манкирующих обязательными для посещения культмероприятиями.

Схлынул и ладно. Чтобы убить время, я решил связаться с Даной – все ли в порядке, пришла ли Наташа с племяшкой Ларой? – но не успел.

«Дарк, заходи!» – телепатировал мне ЛБ.

Капитоныч, надо полагать, получил схожий сигнал от своей начальницы г-жи Лернейской, потому что шагнул к двери одновременно со мной. Я чуть замедлил шаг, чтобы не столкнуться с ним в дверном проеме. Мы и без того вечно сталкиваемся где надо и где не надо…

* * *

В зале для расширенных совещаний могло поместиться под две сотни приглашенных, однако сейчас находилось там меньше трех десятков избранных. Расселись они произвольно, кто где хотел, в одиночку или группами по два-три человека, не утруждая себя какими-либо формальностями. Благо все могли общаться мысленно, не повышая голоса.

Среди строгих костюмов я с превеликим удивлением узрел белую «манишку» и черный «фрак» пингвина Крейзи. Сидеть ему не позволяло анатомическое устройство, и он застыл столбом в сторонке, у колонны. Стоял в гордом

одиночестве, и даже вокруг образовалась изрядная пустая зона. Неудивительно, если вспомнить знаменитое амбре тухлой рыбы…

Да кто же он такой, ктулху побери? Посланец того, о ком говорить не принято? Ревизор с широчайшими полномочиями, путешествующий инкогнито? Загадка…

Над сценой, над пустующим столом для президиума, мерцал в воздухе обширный виртуальный экран – кто-то из недавно выступавших подкреплял свои слова визуальными образами. Экран уже гас, рассеивался, но я все же успел разглядеть, что на нем изображено.

Напоминало изображение картинку из детского журнала. Из тех рисунков, что озаглавлены «Найди десять отличий». Слева снимок Стелы Азатота – монумента, носящего в миру несколько иное название. Справа – рисунок, изображающий проектный вид небоскреба, вызвавшего немалые бури среди городской общественности, возмущенной покушением на исторический облик города.

Ракурсы изображений были выбраны так, что монумент казался макетом здания. Слева был обведен красным неровный разрыв в каменном кольце, опоясавшем Стелу. Справа – точно так же выделен промежуток между двумя полукруглыми зданиями, окружившими подножие небоскреба.

Злата Васильевна у нас провидица… И вообще, и в данном конкретном случае. Если сейчас у корифеев шел разговор о появлении акулы – а иначе с чего бы приглашать нас с Капитонычем? – то в какой-то связи с Кольцом и паствой Азатота… Заурядная история с заплывшей в город хищницей все больше наполнялась новым зловещим смыслом.

Громадный экран развеялся окончательно. И стало видно, что в оформлении зала имеет место некое новшество. Стена над сценой не задрапирована, как бывало обычно, алым полотнищем с девизом «Знание дарит силу», и видно, что стена та стеклянная, наподобие стенки гигантского аквариума, а за нею вода… Проплыла даже какая-то рыбка, чьи размеры, в сравнении с ее обиталищем, совсем не впечатляли. Я знал (исключительно понаслышке), что видимость обманчива – и там, за сценой и за стеклянной перегородкой, вовсе не аквариум, но воды Тихого океана.

Вот даже как… Чем-то сегодняшний научный совет заинтересовал того, о ком говорить не принято. Оставалась слабая надежда, что интерес этот вызван не историей с акулой, а неким другим вопросом из повестки дня.

Ладно, посмотрим и послушаем…

* * *

Я подсел поближе к ЛБ, а Капитоныч протопал к своей начальнице, г-же Лернейской. Та исполняла должность вице-директора, так же как ЛБ, и курировала среди прочего безопасность и секретность.

Известный юморист Антоша Чехонте однажды написал, что в человеке все должно быть прекрасно. Г-жа Лернейская этой максиме, мягко говоря, не соответствовала. В ней все было весомо: и слова, неторопливо произносимые густым мужским басом, и шаги, сотрясавшие половицы, когда г-жа Лернейская куда-то шествовала. Фигура у нее тоже была весомая. Точнее, увесистая. А если еще точнее, то фигуру вице-директорши в деталях и подробностях никто разглядеть не мог – Лернейская всегда и везде куталась то в большую шаль, то в цветастое мексиканское пончо, то в еще какую-нибудь накидку, скрывающую контуры тела. У этой внушительной дамы имелся муж, г-н Заушко (в шутку его часто называли «стариком Лернейским») – моложаво выглядевший, стройный, он на фоне жены смотрелся натуральным дистрофиком. Я не мог отделаться от подозрения, что во время семейных трапез супруга безбожно объедает «старика Лернейского», пожирая и свою, и его порцию…

Как раз Лернейская получила слово, когда мы с Капитонычем присоединились к заседавшим.

Получила и немедленно обрушила на собравшихся град риторических вопросов: понимают ли, дескать, они, что произошло бы, прорвись залетная океанская хищница в нашу мирную Неву чуть позже? Летом, когда куча народу купается и у Петропавловки, и на множестве «диких» пляжей? Берется кто-нибудь предсказать число жертв при таком раскладе? А ведь не исключено, что эта акула лишь «первая ласточка». Запущенная, чтобы проверить нас на вшивость. Никому ведь не надо напоминать историю, случившуюся в Ипсвиче?

Мне, кстати, она могла бы и напомнить. Я о такой истории слышал впервые, но благоразумно не стал влезать с неуместными вопросами.

Лернейская продолжала: враг оказался внутри Кольца. Каким образом?! Она уверена, что без предательства дело не обошлось. Все знают, кто теперь рулит Московским институтом океанологии и чьими креатурами стали сотрудники института. Почему же мы уверены, что у нас, в последнем оплоте, с чистотой рядов все в порядке?

Позже, когда я вспоминал мысли, одолевавшие меня во время научного совета, стало ясно: даже тогда я не воспринимал все всерьез. Наверное, роль своеобразной прививки сыграло мое октябрятское детство, когда повсюду звучали мантры о мире во всем мире и о неизбежной победе коммунизма, при этом нисколько не пересекавшиеся с реальной жизнью.

Вот и теперь казалось, что о происках Древних, пытающихся вернуться в наш мир, Лернейская вещает для проформы, оттого, что так принято. А сама имеет на уме другое: получить больше полномочий и финансов для подконтрольных ей структур.

Биг Босс слушал излияния своей заместительницы с каменным лицом, не перебивая и не комментируя (чем лишь подтверждал мои подозрения). Но потом, когда она сбилась на откровенные лозунги, к обсуждаемой проблеме вообще не относящиеся, все-таки прервал и попросил перейти к конкретике. К предлагаемому плану действий.

Лернейская перешла. Первым пунктом шло пресечение утечки информации. Кое-что, по словам вице-директорши, сделано: с туристами-водниками проведена работа, и не только их видеозаписи в Интернет не попали и не попадут, но и устные рассказы нигде не прозвучат.

Другие же ролики, относительно безобидные – те, что демонстрируют лишь рассекающий Неву плавник, – с крупных ресурсов удалены. Но, увы, уже расползлись по бесчисленным сайтикам и бложикам, каждый из которых проконтролировать невозможно. Так что назревает нездоровая сенсация… Для ее купирования в течение ближайших суток будет запущено несколько фальшивых сюжетов, работа над ними уже идет, причем действие всех будет происходить именно в Петербурге… Крокодил в речке Оккервиль, гигантский

осьминог в канализации, анаконда в фонтане Петродворца. Сделаны будут ролики так, чтобы их фейковость можно было определить без сложных экспертиз. В результате сенсация с акулой в Неве утонет в «белом шуме», а подобным новостям из Питера изначально перестанут верить.

Нет, что о г-же Лернейской ни думай, но она понимает толк в оперативном планировании (либо понимает тот, кто готовил озвученные ею предложения). Здраво и исчерпывающе, не придерешься. Немного расстроило, что с туристами уже работают ее сотрудники. Я и сам собирался заняться байдарочниками… Но у нас с этим просто: кто первым встал, того и тапки. В смысле, кто первым озвучил предложения перед начальством, тот их и исполняет.

Мое мнение о здравости и вменяемости выступавшей резко изменилось, едва она перешла ко второму разделу своего плана. Касался он контроля за чистотой рядов и выкорчевывания из них крамолы. Контроль предполагался тотальным. Над всеми и над каждым. Над банковскими счетами сотрудников, их внеслужебными контактами, разговорами в курилке, посещаемыми интернет-ресурсами и прочая, и прочая…

ЛБ глядел на Лернейскую недоумевающе. И не только он. На откидном столике перед боссом лежал блокнот на витой пружинке, с логотипом Института. И ручка, тоже с логотипом. Он раскрыл блокнот, быстро нацарапал: «Что думаешь?» – и кивнул на витийствующую вице-директоршу.

Мысленно на такие темы общаться здесь не стоило. Вокруг полно телепатов экстра-класса, которым никакая блокировка не помеха.

Я думал много нехорошего о личных и деловых качествах г-жи Лернейской, начиная с ее внешнего вида, оскорблявшего мое чувство прекрасного… Но, соблюдая субординацию, письменно отозвался лишь о предложенных мероприятиях: «Да она затевает натуральную Салемскую охоту на ведьм!!!»

«Никто ей не позволит, – написал ЛБ. – Просит все разом, чтоб получить хоть что-то».

Почерк у него был трудночитаемый. Да и у меня, честно признаюсь, тоже. Все-таки привычка излагать мысли посредством клавиатуры губительна для мелкой моторики пальцев.

Что произойдет дальше, я примерно представлял. Лернейская закончит, слово возьмет ББ, отметет в сторону наиболее одиозные предложения, остальные поддержит, потом Капитоныч получит свою порцию начальственной накачки, в ответ пообещав не подвести, выполнить и перевыполнить… И лишь затем последует выступление ЛБ, а там и моя недолгая ария не за горами.

Ошибся я во всем. Даже речь Лернейской до конца не прозвучала, оказалась прервана самым неожиданным образом…

По залу прокатился негромкий звук. Вернее, он лишь ушами воспринимался негромким, а в инфразвуковой области, похоже, сила звука зашкаливала. Стало ясно, что сейчас произойдет нечто запредельно кошмарное и неотвратимое, с чем бороться бесполезно, и остается лишь одно: распластаться по полу в ожидании неизбежного и скорого конца…

Какая-то часть сознания понимала: этот звук известен науке, и называют его английским термином Bloop, он заставляет физиологию воздействовать на психику, механизм давно известен и…

И всем нам сейчас придет конец. Мучительный и страшный.

Я взглянул на институтских корифеев – не в поисках защиты и спасения, ясно же, что ни защититься, ни спастись невозможно, – но вяло любопытствуя, умерли они или еще живы…

Все были живы. И смотрели в одну сторону. Глянул туда и я.

Псевдоаквариум за стеклянной стеной теперь испускал в зал неяркий желтый свет – и не пустовал. Разглядеть удавалось лишь малую часть существа: неимоверных размеров глаз без зрачка и участок шкуры – безволосой, морщинистой, бугристой, коричневато-бурого оттенка.

Сила звука несколько умерилась, по крайней мере та часть его спектра, что воспринималась ушами… Предчувствие неизбежной смерти не исчезло, но уже не хотелось избежать мучений, шагнув ей навстречу.

Затем Bloop смолк, и очень вовремя. По крайней мере для меня – очень вовремя…

Взамен зазвучал голос. Минуя уши, прямо в голове. Это походило на обычную телепатию… примерно, как мамонт похож на хомяка – оба четвероногие и покрыты шерстью, но масштабы все же разнятся.

Это не была человеческая речь… Ни одна людская глотка не способна исторгнуть такие рычащие, скрежещущие и шипящие звуки, такие непроизносимые сочетания согласных… Говорить на таком языке трудно. На нем хорошо рычать или лаять.

Я не понимал ни слова. Но хорошо чувствовал эмоциональный фон: ярость, гнев и… возможно, я ошибался… но где-то глубоко под яростью и гневом ощущалась слабая-слабая нотка неуверенности и тревоги… Не исключено, что ощущал эту нотку лишь я – именно оттого, что совершенно не понимал смысла произносимого, сосредоточившись единственно на эмоциях говорившего.

Длилась речь минуты две… наверное… И завершилась чуть не разнесшим мне мозг рыком, в котором гласных звуков в нашем понимании не было вообще.

Кошмарный глаз исчез. Желтое свечение погасло. За стеклом теперь была беспроглядная чернота.

В зале повисла полнейшая, ничем не нарушаемая тишина. В черепе медленно гасло эхо нелюдских слов…

Потом звуки вернулись. Корифеи перешептывались – тихонько, словно опасались, что покинувший нас визитер услышит их и вернется… Мне тоже не хотелось ничего произносить вслух. Блокнот по-прежнему лежал перед нами с ЛБ, и я написал: «О чем он говорил?»

Босс с сомнением посмотрел на блокнот, на ручку, – и ответил все-таки вслух, но очень тихо:

– Всего не передать… Но смысл такой: потребовал немедленно прекратить говорильню, найти и уничтожить засланца, ликвидировать брешь в Кольце…

Остальное – непереводимые ругательства.

Завершилось перешептывание тем, что Биг Босс встал и объявил о завершении научного совета. Дескать, остальные вопросы предстоит решать в рабочем порядке в отделах, секторах и группах. Все свободны…

Ну что же, первая часть триединой директивы исполнена быстро и неукоснительно: говорильню прекратили… Жаль, что зубастого диверсанта изловить столь же быстро, волевым решением начальства, не получится.

Глава 5

Происшествие на Ижоре

– Третий раз на моей памяти ОН заявляется на совет… – задумчиво произнес ЛБ. – И впервые произносит более четырех слов…

– Все когда-то случается впервые, – ответил я затертой до дыр псевдофилософской сентенцией.

– Ладно, давай свой план, посмотрю здесь, раз уж на совете послушать не удалось. Изучу в рабочем, как приказано, порядке.

Разговор происходил тет-а-тет в его кабинете. За широченным панорамным окном виднелась отнюдь не хмурая питерская весна: светило яркое солнце, неправдоподобно синее небо отражалось в спокойных водах лагуны, вдали, под пальмами, стояло бунгало… Не то Сейшелы, не то Мальдивы, не то еще какой-то тропический рай.

Я подозревал, что это не просто иллюзия, созерцание коей служит целям начальственной релаксации, а вполне реальная «комната отдыха» на вполне реальном далеком острове. Потому что в углу окна имелась застекленная дверь на манер балконной, и табличка на четырех языках запрещала гостям кабинета эту дверь открывать под угрозой страшных кар. Проверить подозрение не удавалось, любые разговоры на эту тему босс пресекал. Ну и ладно, когда и если

дослужусь до вице-директора, узнаю все точно…

Пока босс штудировал план, я глазел на тропический остров: не увижу ли наконец кого-то из его обитателей или обитательниц? Но островитяне в очередной раз так и не появились…

Из комментариев ЛБ выяснилось, что планом он в общем и целом доволен. Более того, мысль о группе быстрого реагирования и закрепленном за ней вертолете пришла ему одновременно с сестричками. Или даже чуть раньше. В общем, «Еврокоптер» стоял сейчас на вертолетной площадке (располагавшейся на крыше главного корпуса) под парами, фигурально выражаясь. И на нем уже должны смонтировать гидровизор и еще кое-какую аппаратуру, позволяющую отслеживать подводные объекты.

Идея Властимира касательно записи со второй экшен-камеры туристов тоже посетила босса. Но здесь случилась заминка. Во время нападения или позже, из-за кутерьмы, связанной с извлечением из воды пострадавшего, истекавшего кровью, – камера утонула. Течение в Неве сильное, особенно весной, – камеру ищут, но зона поисков достаточно велика. Так что стоит поработать с той записью, что имеется в наличии.

– Вопросы есть? – спросил босс в завершение разговора.

Ответы на вопросы, накопившиеся у меня, грозили затянуться до вечера. И я всего лишь спросил, помнит ли ЛБ, что штат ОСВОДа не полон? И не кажется ли ему, что сейчас самый подходящий случай усилить команду не желторотым стажером, а грамотным и толковым специалистом?

– Будет специалист, – заверил босс. – Сегодня, самое позднее завтра утром.

– Тогда еще один вопрос, последний. Что за историю с Ипсвичем поминала Лернейская? Я чего-то не знаю?

– Не бери в голову. История давняя и не имеет отношения к нынешней… Если в двух словах, то там случилось массовое вторжение акул в город.

– Вторжение? Посуху?! – изумился я.

– Вторжение. Прямо на улицы. Но сначала произошло наводнение… В общем, в сорок втором году «Каталины», базировавшиеся в Ипсвиче, уничтожили немецкую субмарину. А заодно попали глубинными бомбами по…

Увы, мне так и не удалось дослушать эту историю, без сомнения, увлекательную, – ни тогда, ни позже. Так и не узнал, что умудрились разбомбить незадачливые летчики союзников одновременно с германской подлодкой. Не узнал, потому что тревожным колокольчиком зазвенел сигнал срочного вызова.

– Твой отдел, между прочим, – сказал босс и щелкнул пальцами.

В воздухе повис виртуальный экран, и на нем я узрел почти весь списочный состав ОСВОДа, за исключением Хуммеля. Злата Васильевна сидела прямо перед камерой, из-за нее выглядывали Импи с Ихти, Властимир расположился чуть в стороне, и в объектив попадала лишь часть его живота.

– Акула, – коротко доложила Злата Васильевна. – Нападение на Ижоре, в районе поселка Лукаши.

– Когда? – чуть ли не хором спросили мы с боссом.

– Только что. Звонки начались две минуты назад: в МЧС, в полицию, в «Скорую»…

«Скорая» – значит, опять жертвы… Не важно, потом разберемся. И зачем хищница забралась в узкий приток Невы, тоже разберемся потом. Сейчас главное не терять времени и использовать свой шанс. Ижора – узкая речка, к тому же акула засветилась вдалеке от устья. Изловить ее там куда проще, чем в запутанном лабиринте рек, проток и каналов Невской дельты.

Я вопросительно взглянул на ЛБ и услышал короткий мысленный приказ: «Действуй как планировал».

– Девчонки, Властимир, – на крышу, к вертолету! – скомандовал я. – Бегом!

– Хуммеля брать с собой? – быстро спросила Импи.

– Обойдемся без него, поплывем компактной группой… Выполняйте, хватит болтать!

Трое из четверых исчезли из поля зрения. Сам я не помчался сломя голову – от кабинета ЛБ до вертолетной площадки гораздо ближе, чем от ОСВОДа.

– Злата Васильевна, вы остаетесь на хозяйстве, – сказал я, хотя она и без того знала свои обязанности в похожих ситуациях. – Переключайте на меня только вызовы с нулевым приоритетом. И сообщайте все поступающие новости по Ижоре.

– Вы там берегите себя, – произнесла Злата Васильевна фразу, давно ставшую ритуальной.

Экран погас. А босс вдруг заявил:

– Раз летите без Хуммеля, прокачусь с вами. Разомнусь, засиделся что-то на кабинетной работе… Может, даже окунусь.

«Все чудесатее и чудесатее», – думал я, шагая с ним к лифту. Случаи, когда босс лично контролировал нашу работу, да и то с берега, можно пересчитать по пальцам. А под воду с нами он не погружался вообще никогда. Осталось лишь мысленно повторить уже сказанное: «Всё когда-то случается впервые…»

* * *

Так уж сложилось, что реку Ижору я знал неплохо. В верхнем течении ее вода родниковая, прозрачная и холодная – самое близкое к Питеру место, подходящее для тренировок перед выездами в северные края. И мы не раз тренировались там всем отделом.

Обнаружить место нападения в Лукашах не составило бы труда, даже если бы Злата Васильевна не снабжала нас в полете информацией, а она снабжала. На плотине толпились взбудораженные люди, неподалеку виднелись «Скорая» и полицейская машина. Вторая «Скорая», как мы увидели сверху, была на подъезде.

Плотина в Лукашах старинная. Когда-то – еще до наступления века пара и электричества – она была деревянно-земляной, и сила падавшей воды приводила в движение мельницу особого рода: здесь размалывали не зерно, а измельчали древесину для производства бумаги. Позже, в советские годы, плотину перестроили, сделав железобетонной. И вода стала вращать турбины маленькой электростанции, снабжавшей электричеством пару-тройку окрестных деревень. С введением в строй единой энергосистемы и это применение ушло в прошлое. Плотина стала бесхозной – но, построенная на века, так и запирала реку, за десятилетия почти не разрушившись.

Летом здесь купались, ныряли с высоты в глубокий омут под водосбросом. А весной – как выяснили мы, приземлившись, – место облюбовали местные рыболовы. Они-то и пострадали от акулы.

Показалась она ниже плотины, сделала пару кругов по омуту, запутывая и обрывая рыболовные снасти. А потом разогналась и совершила высоченный прыжок, словно собираясь преодолеть плотину по воздуху. Но не рассчитала и шлепнулась на бетон в самой гуще обалдевших рыболовов. Тогда-то и появились пострадавшие – и от зубов, и от ударов хвостом. Переломы, рваные раны с обильным кровотечением… Но опять обошлось без летальных исходов.

Мы с боссом недоуменно переглянулись. В наши понятия о нормальном поведении морских хищниц произошедшее никак не укладывалось.

Ничего предпринять против нежданного агрессора рыбаки не успели. Несколько прыжков на бетонном покрытии – и акула перевалилась в воду с другой стороны плотины, выше по течению. И пропала с глаз, уплыла, наверное.

Дослушав до этого места, мы с ЛБ опрометью метнулись к «Еврокоптеру», приземлившемуся в полусотне шагов. Остальные подробности можно выяснить потом. Тварь ушла не к Неве – к мелководным истокам. Сама загоняет себя в ловушку, лишая свободы маневра… Грех этим не воспользоваться.

– Эй, ученые, автоматчика послать с вами? – запоздало крикнул в спину вахмистр, командовавший патрулем ППС.

– Сами справимся! – на бегу отмахнулся босс.

* * *

Не справились…

Пролетели полтора десятка километров вдоль извилистого берега речки – и азарт погони сменился тоскливым предчувствием провала. Еще десяток – и предчувствие полностью оправдалось. Ижора стала мелководной, и аппаратура не требовалась, чтобы убедиться: дичи здесь нет. Да и не успела бы акула добраться сюда, даже развив максимальную скорость, а ее в забитом коряжником русле не больно-то разовьешь…

Развернулись, но не стали срезать путь по прямой, вновь прошлись вдоль всего русла, внимательно следя за показаниями приборов.

– Ну и куда же она подевалась? – спросил Властимир.

– Туда же, откуда появилась… – сумрачно ответил ЛБ.

Я пояснил более развернуто:

– Из Невы она заплыть не могла. Плотина в Колпино гораздо выше, чем здешняя, ее таким лихим прыжком не перескочишь…

О том, что устье и низовья Ижоры отделены от Лукашей непроходимым для любой рыбы барьером, я сразу не подумал… Сработала инерция мышления: акула явно движется встречь течения, вполне могла добраться до Усть-Ижоры и подняться вверх по притоку. Не поднялась бы. Значит, хищница перемещается не только естественным для ее собратьев способом. Либо кто-то ее перемещает…

– В Лукаши, – скомандовал ЛБ пилоту, когда стало окончательно ясно, что охота провалилась. – Приземлись там же.

– Переодевайтесь, – скомандовал я своим орлам (вернее, орлу и двум орлицам). – Погружение отменяется.

Девчонки начали стягивать комбинезоны, ничуть не стесняясь мужской части коллектива. Стыдливость, присущая сексуальности, у них напрочь отсутствует, вместе с сексуальностью, в нашем ее понимании… Хотя выглядят обе достаточно сексапильно, но это результат нескольких пластических операций, сделанных, дабы сестрички не слишком выделялись среди людей, не становились объектом нездорового любопытства. Внешне выглядят Ихти и Импи как самые обычные девушки, – но бюсты сестричек, например, при их способе размножения, никакой функциональной роли не играют. Исключительно эстетическую. И появились на их телах трудами пластических хирургов.

Властимир от разоблачившихся сестер тактично отвернулся. ЛБ, напротив, разглядывал внимательно – но лишь с профессиональной точки зрения.

– Работать-то сможете? – спросил он с сомнением.

Сомнение было оправданным: сейчас сестры весьма напоминали беременных на средних сроках.

– Сможем, сможем, не впервой, – успокоила Ихти. – Но комбезы юзать больше не сумеем, и нынче-то уже едва в них втиснулись… Придется голышом нырять.

Я внес свою лепту:

– Между прочим, босс, из ОСВОДа наверх уходили три рапорта о специальных весенних костюмах для девчонок. Три, босс!

– Читал я те рапорты… – признался ЛБ. – Ну не делают у нас гидрокостюмы для беременных, и спецзаказ никто для двоих открывать не хочет. И все равно, голышом не надо. В купальниках. Не то заведет Заблудовский дело за аморалку, а мне вас потом отмазывать…

* * *

«Скорые» от плотины уже уехали, полицейские оставались на месте, опрашивая свидетелей… Интересно, как Лернейская будет гасить эту утечку? Впрочем, не моя забота.

Подсознательно я надеялся, что инцидент на плотине кто-нибудь успел заснять на видео (к хорошему привыкаешь быстро). Но вместо очередной серии «Челюстей» нас поджидал облом. Никто видеосъемками не озаботился. Либо телефоны небогатых местных рыбаков не имели такой функции.

Все же кое-какой улов нам достался (вернее, достался полицейским, а уж они поделились с нами): два снимка, сделанных парочкой, гулявшей по берегу и привлеченной криками, доносившимися с плотины.

Первый снимок не принес никакой полезной информации: темное нечто в белой от пены воде, падающей с водосброса. Если не знать, кто там плавает, легко можно принять за топляк.

Зато на втором кадре хищница предстала во всей красе – наверху, на бетоне плотины… Да только она оказалась НЕ ТОЙ акулой, что напала на туристов у Октябрьской набережной.

И длина меньше, от силы два с половиной метра. И пропорции тела иные… Но главное даже не в этом. Акула была неправильная. Какая-то усредненная, без видовых признаков, акула вообще, без конкретики… Она напоминала творение автора компьютерных спецэффектов – представляющего, как выглядят акулы, видевшего их в передачах канала «Мир живой природы», но глубоко предмет не изучавшего. Попросить такого специалиста изобразить акулу по памяти – и получится нечто похожее на то, что мы увидели на экранчике мобильного телефона… Вот только никакой спецэффект, даже самый реалистичный, не способен ломать кости и оставлять рваные раны.

– Полиморф, – констатировал босс, когда мы отошли подальше от полицейских.

– Он самый, – не стал я спорить с очевидным. – Или, что вероятнее, она самая…

– Думаешь, кто-то из Хомяковых?

Именно так я и думал. Если в нескольких километрах от места обитания семейки полиморфов обнаруживается акула-подделка, акула-полиморф, – что еще прикажете думать?

– Может, залетим к ним на обратном пути? – предложил я. – Надаем по шапке, накрутим хвосты, пропишем ижицу… А заодно выясним, кто надоумил на эту шутку. Как-то она подозрительно вовремя случилась. Словно кто-то специально бросил камень в кусты, отвлекая внимание.

Босса идея визита к старым знакомцам не привлекла.

– До чего же они мне надоели… – произнес он тоскливо. – Как же я от них устал… Давай, Сергей, ты завтра к ним сам скатаешься. Выедешь пораньше, прогуляешься по парку… – С этими словами он со значением посмотрел на меня прямо-таки иезуитским взглядом. – А на службу можешь прибыть к одиннадцати.

– Ладно, съезжу.

– Вот и славно. И в самом деле устал я от них…

А я чувствовал, что устал от сегодняшнего дня. С самого утра, как шагнул за порог своей квартиры – события понеслись вскачь, наслаиваясь одно на другое. До конца рабочего дня еще три часа, а я уже выжат как лимон.

Телефоны зазвонили одновременно: у меня бодрой залихватской мелодией, казавшейся сейчас форменным издевательством, у босса – чем-то заунывным, похоронным, куда более соответствующим моему настроению… Трубку я тянул из кармана с тоскливой уверенностью, что судьба сейчас подкинет еще какой-то поганый сюрприз.

Но нет, звонила Наташа. Сообщила, что они вчетвером отлично провели время в зоопарке, потом пообедали, а сейчас дожидаются сеанса в кинотеатре… Дети очень довольны общением – мои успели соскучится по Ларе, а она по ним, и троица ни в какую не желает расставаться.

Короче говоря, у сестры ко мне предложение: что, если Марат с Маришкой переночуют у нее и завтра вновь проведут день вместе с тетушкой и кузиной? Сама Наташа взяла отгулы на первые четыре дня каникул, ее не затруднит.

Живут же люди… Обедают… В кино ходят… Отгулы берут на работе, аж четыре подряд…

Разумеется, я согласился. Пусть хоть кому-то каникулы станут праздником…

– Отлично, – обрадовалась Наташа. – Тогда мы завтра реализуем идею Марата: сходим на улицу его имени, в океанариум.

Наверное, я не слишком удачно однажды пошутил, сказав четырехлетнему сыну, что улица Марата названа в честь него… Думал, забудет, но Марат не забыл, и теперь эта шутка превратилась в некий семейный мем.

– Если вырвешься завтра на пару часов с работы, можешь присоединиться к нам, – продолжила Наташа. – Посмотрим на акул – говорят, туда привезли пару больших, натуральные «Челюсти»!

После этих ее слов на меня напал истерический смех, отчасти напоминавший рыдание. Кое-как, сдавленным голосом, я распрощался с сестрой – после чего перестал сопротивляться напавшему…

Глава 6

Бесплатный рай бывает только в мышеловках

– Босс, у меня есть личная просьба, – сказал я, когда «Еврокоптер» стрекотал над южной окраиной города, приближаясь к Институту.

– Со службы пораньше сегодня не отпущу, об отгулах до завершения операции тоже не мечтай, – отрезал ЛБ, не иначе как подслушавший обрывки разговора с Наташей. – Прочее готов выслушать.

– Мне нужен внеочередной пропуск во второй бассейн… На сегодня. Что-то я вымотался, совсем никакой…

Просьба со стороны могла показаться пустяковой, легко выполнимой и не соответствующей уровню вице-директора. Но это не совсем так. Сотрудников, нуждающихся в регулярных погружениях в соленую морскую воду, в Институте немало, – и бассейн с ней никогда не пустует, даже ночью. А мне по ряду причин нужен бассейн весь, целиком, в безраздельное пользование. График посещений там более чем плотный, и чтобы перекроить его, моих полномочий начальника отдела недостаточно.

– Вообще-то вопрос решаемый… – задумчиво произнес босс.

И продолжил телепатически:

«Но если я подниму его именно сейчас, меня неправильно поймут… Ладно, есть один вариант. Искупаешься в моем личном бассейне…»

Вот даже как… Я подозревал, что руководство Института общим бассейном не пользуется. Но про личные купальни услышал впервые. Интересно, как там все обставлено? Мрамор, перламутр, лесенка из чистого золота, ведущая в воду? Хотя не важно. Интереснее другое: если бассейн действительно личный, то по его объему можно прикинуть, кем предстает ЛБ во второй своей ипостаси, – для меня это до сих пор остается секретом. Злате Васильевне, например, достаточно нескольких литров морской воды, Властимиру требуется более солидная кубатура, ну а мне… Мне для более-менее комфортного плавания нужен бассейн метров пятидесяти в длину. Но сегодня я готов умерить требования. Не до нескольких литров, конечно, но готов.

* * *

Эпопея с Ижорой сейчас выглядела каким-то дурным фарсом: пробежались по кругу (вернее, пролетели… причем во всех смыслах слова) – и вернулись в точку старта.

Вновь мы оказались в кабинете ЛБ, и можно было бы продолжить оборванный на полуслове разговор, но я уже не помнил, о чем шла речь…

– А что ты, собственно, уселся? – удивился босс. – Иди купайся.

– Э-э-э… А куда идти-то?

– Не тормози, Дарк… Еще не окунулся, а уже тупишь.

Он кивнул на свое панорамное окно, и я все понял. М-да… Золотых лестниц нет, а размеры лагуны удовлетворят запросы даже кашалота.

– Может, пригласить Властимира? – предложил я. – Не то мое купание может несколько затянуться.

– Ни к чему. Я сам проконтролирую. Пошли.

Достаточно. Хватит обманывать себя. Идея о том, что босс сегодняшней заботой и опекой пытается загладить несправедливые подозрения и утренний хамский арест, себя исчерпала. Все имеет свой предел, и чувство вины тоже. Что-то ему от меня нужно… Причем что-то такое, о чем он не может распорядиться прямо и в рамках своих служебных полномочий… Понять бы еще что.

…Песок здесь был белый – частицы не кварца, а известняка, обломки скелетов кораллов, давным-давно нарастивших атолл на жерле погасшего подводного вулкана. Хотелось раздеться, лечь на этот песок и отключиться от всего. Лежать и тупо смотреть, как волны лениво лижут берег, как смешно, боком, передвигаются по песку крабы…

– Нравится? – спросил ЛБ, словно прочитав мои мысли или действительно прочитав. – А ведь если я перееду этажом выше, мой кабинет может достаться тебе… Со всем к нему прилагающимся.

Вот и он… Пробный шар. Не задержался. Этажом выше, если кто не знает, расположен кабинет Биг Босса, и оттуда – на повышение – переезжать уже некуда, там вершина иерархической служебной лестницы.

Похоже, босс ждал от меня хоть какой-то реакции. И не дождался. Губы мои слиплись так плотно, словно кто-то – дурной шутки ради – смазал их быстро схватывающимся клеем, а я не заметил. Думать я старался исключительно о крабах и их смешном способе передвижения. С этими мыслями начал раздеваться…

– Сейчас отлив, и лагуна изолирована от океана, – сменил тему ЛБ, так и не услышав ответа. – Плавай смело, не опасаясь заплыть не туда. У тебя полчаса, больше дать не могу. И без того потом час будешь приходить в норму.

Не желая терять ни минуты, я с плеском пробежался по мелководью, нырнул. Вода была самой комфортной температуры, и соленость идеальная… Точно, рай. Демонстрируемый мне, словно кусочек сыра голодному. Но известно, где бывает бесплатный сыр…

Я глубоко вдохнул идеальную райскую водичку, наполнил ею легкие. Ощущение было крайне болезненным, но недолгим, – трансформация началась практически мгновенно.

Не раз я замечал, что самые удачные мысли, можно сказать озарения, приходят именно в этот момент. Наверное, мозг чувствует, что с ним происходит неладное, – и переходит в режим «турбо», лихорадочно торопясь решить все накопившиеся задачи.

Вот и сейчас меня осенило. Сообразил, с какого момента привычный мне ЛБ превратился в чересчур заботливого начальника-искусителя – с нечеловеческой речи, завершившей научный совет. Надо бы послушать другой вариант перевода…

На этом гениальная мысль оборвалась. И все прочие мысли оборвались. Сила, уже вцепившаяся в меня, разорвала тело на кусочки, на атомы, на элементарные частицы – разорвала и тут же собрала заново. Мозг тоже разорвала и собрала, но в новой конфигурации рассуждать он умел плохо… Вообще не умел, если начистоту.

Короче говоря, по райской лагуне сейчас плыл, набирая скорость, не Сергей Чернецов, известный под прозвищем Дарк, и под другими прозвищами тоже известный…

Там плыл кархародон. Или, как еще называют это любимейшее создание, большая белая акула.

«Большая белая» – название видовое и реальности соответствует в моем конкретном случае лишь отчасти. Окрас у меня в акульей ипостаси нетипичный,

однотонный, с темным брюхом, отсюда и прозвище, и нынешняя моя фамилия. А вот «большая» – это в точку. Пять метров с сантиметрами, есть чем гордиться.

К сожалению, примитивный акулий мозг испытывать чувство гордости неспособен.

* * *

Небольшое лирическое отступление.

Я не выбирал свой тотем, такое под силу лишь сильнейшим из магов. Так уж распорядилась судьба, рок, фатум… Крайне редкое сочетание генов плюс удачная спонтанная инициация. Да, та самая, вероятность которой выражается множеством нулей и сиротливой единичкой. Однако все, что может произойти, когда-нибудь происходит, – и я вытянул из громадной, с Эверест размером, кучи лотерейных билетов единственный счастливый.

Вытянул, и один спасся с погибшего корабля, где командовал БЧ-3 в звании капитан-лейтенанта. Затем спасся еще раз – угодил в Институт, а не в разделочный цех (транзитом через траулер, ведущий акулий промысел).

С тех пор десять лет живу новой жизнью… Двойной, так сказать.

В ней есть свои плюсы. Здоровье идеальное – и вирусы, и прочие патогенные микроорганизмы погибают при двойной трансформации, раны и травмы, даже тяжелые, бесследно исчезают. Опять же долголетие, за десять лет на моих биологических часах натикало от силы несколько месяцев…

Хватает и минусов. Родители, например, умерли, так и не узнав, что фамилия их сына на монументе героически погибшим морякам – лишняя. Ладно хоть женой и детьми к моменту «героической гибели» я обзавестись не успел… Зато целых пять лет добивался от начальства возможности показаться на глаза Наташе. Добился-таки, детально проработав железобетонную легенду о чудесном спасении рыбаками, потере памяти и долгом лечении в далеких краях… Но официально, по документам, мы сейчас не брат и сестра, а чужие друг другу люди.

Еще одна проблема – патологическая тупость акульего мозга. В воде я совершеннейшая машина для убийства. А ее машинист – полный имбецил, ведомый простейшими инстинктами и рефлексами. Наверное, это встроенный предохранитель, иначе в океане не осталось бы никого, кроме акул, пожирающих одна другую…

Выкручиваться приходится по-всякому. Если операция детально спланирована, можно добиться от меня-кархародона действий по плану – поработать с подкоркой, с рефлексами, имеются такие методы… Но при экспромтах, когда действовать приходится по обстановке и всего не предусмотришь, – меня подстраховывают Ихти, Импи и Властимир. Я в нашей группе – главная ударная сила, словно авианосец в эскадре, а они выполняют функции кораблей сопровождения и приглядывают, чтобы эта сила не ударила, куда не надо. У них-то с психикой проблемы не возникают. Властимир – ОЗ, оборотень-законник, сохраняющий при трансформации и массу тела, и функции мозга. Девчонки вообще не трансформируются, они двоякодышащие и чувствуют себя под водой чуть ли не увереннее, чем на суше…

Иногда к нам присоединяется Хуммель, если действовать приходится на большом удалении друг от друга, – среди прочих его талантов есть способность служить живым рентранслятором и усилителем при телепатическом общении.

А в одиночку мне плавать не стоит (ну разве что в пустых бассейнах или лагунах), иначе наломаю таких дров, что самому потом будет стыдно…

Хуже того, мозг даже после моего возвращения в человеческий облик не сразу включается на полную мощность… Чем больше времени провожу под водой, тем дольше потом восстанавливаюсь. Нет, в сравнении с кархародоном я в те часы – гигант мысли, натуральный Спиноза. Но по человеческим меркам меня могли бы исключить из школы для дефективных. За скудоумие.

Так и живу.

Да, кстати… Чтобы было яснее, насколько уникальный жизненный шанс мне выпал, один маленький факт: в Институте, среди множества способных к трансформации сотрудников, обернуться акулой могу только я. (Высшее начальство не рассматриваем – кроме основного, врожденного тотема, корифеи могут иметь еще и с десяток приобретенных по собственному выбору, так что

они не в счет.)

А теперь можно завершить лирическое отступление и вернуться в райскую лагуну, к рассекающую ее воды смертоносному тупому существу.

* * *

Хорошо… Раньше было плохо. Сейчас хорошо.

Нет… Не совсем хорошо. Хочется самку. Хочется есть. Одновременно.

Вперед. Быстрее. Надо найти. Самку или пищу? Самку. Совокупиться. Потом сожрать.

Что-то живое. Впереди. Не самка. Значит, пища. Все живое – пища. Пытается спрятаться. Нахожу. Пытается сопротивляться. Пожираю.

Сытость. Хорошо. Теперь самка. Плыву. Ищу. Нигде нет. Плохо. Раньше было хорошо. Теперь плохо. Плыву, ищу. Нигде нет. Вперед. Быстрее. Снова голод. Вперед, быстрее. Найти, совокупиться, сожрать. Голод все сильнее. Найти и сожрать. Без совокупления. Хоть кого-то найти и сожрать.

На берег. Нужно. Зачем? Не знаю. Нужно. Плыву. Вперед. Быстрее. Песок под брюхом. Все равно вперед. Нечем дышать. Больно. Больно, больно, бо…

* * *

Я пожирал бутерброды. Человек смотрел на меня. Я не помнил, как его зовут. Чувствовал, что мы знакомы. Но не помнил имени.

– Ты сожрал Мориса, – сказал человек.

«Кого?!» – хотел спросить я. Не получилось, рот был набит булкой, ветчиной и чем-то еще… Наружу вылетели крошки. И что-то нечленораздельное. Но человек меня понял. И сказал:

– Мориса, осьминога. Он жил в лагуне, я подкармливал его рыбой…

– Да, вкусный был, – сказал я, что-то такое припоминая. – Откормленный.

Человек лишь махнул рукой… Я вспомнил, что его зовут «босс». Хорошо, память возвращается.

– Ури? – произнес босс в неизвестное мне устройство. – Зайди.

Ури… Странное имя. Мужское или женское?

Зашла девушка. На мой взгляд, симпатичная. Кажется, я ее когда-то видел… Зачем ей такое дурацкое имя?

– Отведи Дарка в ОСВОД, – сказал босс. – В разговоры не вступай, провокационные предложения не слушай.

ОСВОД… Знакомое название. Точно, начальник ОСВОДа – я. И даже помню, где он расположен. В самом конце коридора.

– Сам дойду, – сказал я. – Помню дорогу.

– Сиди уж… – пробурчал босс. – В смысле, иди уж с Ури. Не то опять заблудишься.

Я не стал спорить. Хотя был уверен, что дорогу найду. Но появилось смутное чувство, что от Ури мне что-то нужно… Может, по дороге вспомню.

Вспомнил в лифте. И немедленно предложил:

– Займемся сексом? У меня давно не было секса.

– Заманчивое предложение… Но давай ты повторишь его завтра? Или хотя бы часа через два-три? Сейчас у меня много работы.

Ури выскользнула из лифта. Уверенно свернула в один из трех одинаковых коридоров. Да, в одиночку мог бы и заплутать…

Я поспешил за ней. В коридоре было пусто и тихо. Я сообразил: в просьбе Ури об отсрочке таится подвох. Но не мог понять какой.

– Займемся сексом здесь и сейчас, – сказал я. – Никто не помешает.

– Секс для меня – дело интимное, при свидетелях я им не занимаюсь.

– Какие еще свидетели?

– А камеры наблюдения? А вон тот мужчина?

– Какой… – начал я и осекся.

И впрямь, мужчина. Стоит впереди, у глухого конца коридора. И даже смутно знаком…

– Пришли, дальше сам. – Ури развернулась и быстренько пошагала обратно.

Я дернулся было следом. Но остановился. Вспомнил, что и в ОСВОДе есть представительницы интересующего меня пола. Целых три. Не помню, как их зовут, но не важно… Заодно и познакомимся.

– Сергей Владимирович, вы меня помните? – спросил смутно знакомый мужчина.

– Скоро вспомню, – пообещал я.

– Меня предупредили… Я Соколов.

– И?

– Я задерживал вас сегодня утром.

– Зачем?

– Не важно… Меня прикомандировали к ОСВОДу, на усиление.

– Кто?

– Приказ директора. Лежит в отделе, вам надо расписаться.

– Зачем?

Разговор получался тупой и бессмысленный… И бесконечно меня утомлял. Следить за бессвязным потоком мыслей собеседника сил не оставалось.

Спас меня Властимир, шагнувший к нам прямо из стены. Я обрадовался. Не его появлению, а тому, что сразу вспомнил имя… Еще минут сорок – и буду в полном порядке.

– Не надо сейчас с ним говорить, – сказал Властимир. – Шагайте за мной, оба. На стену внимания не обращайте, она ненастоящая.

* * *

Я сидел в общей комнате за чашкой кофе. Мозг постепенно возвращался в рабочее состояние, и уже не приходилось терзать память, чтобы вспомнить элементарные вещи. Ну а тело и до того переполняли сила, бодрость и энергия… Хотелось что-то сделать. Не откладывая, хотелось совершить нечто важное и нужное.

– Займемся сексом? – предложил я Импи. – Я сейчас в такой форме, что это будет лучший секс в твоей жизни. Плыви ко мне, моя русалочка!

– Займемся, не вопрос, – легко согласилась она. – Только давай ты сначала в столовку метнешься? Чтоб, значит, форма совсем идеальная стала… Я ведь вижу, что тебя на хавчик пробило.

Не знаю, как же она это разглядела… Но понял, что действительно опять проголодался.

– Не уходи далеко, сейчас вернусь.

Я быстро пошагал к двери. Злата Васильевна пыталась меня остановить, предложив попить чаю с пирожками, но не преуспела. Слова Импи разбудили мой желудок, и он требовал нормальной горячей пищи. Надоело питаться сухомяткой и сырыми осьминогами.

Глава 7

К вопросу о диете для беременных

Сколько братьев Мишкунцов работает у нас в Институте, я точно не знал. Может, семь, может, восемь, может, еще больше… Они близнецы, все на одно лицо, различаются только бейджами, и я их вечно путаю.

Но Лавр Гирудович Мишкунец, директорствующий в нашей столовой, имеет особую примету и без труда поддается опознанию. У него отсутствует левое ухо, с братьями не спутаешь…

Подкрепившись, я не уходил, сидел за столиком. Смотрел то на меню, то на Мишкунца, находившегося здесь же, в зале… Чувствовал, что этот треугольник – я, Мишкунец, меню – связывает нечто, мной позабытое… Что-то я планировал на сегодня, связанное с меню и с Мишкунцом… Что-то нехорошее затевал в его адрес… И не мог вспомнить что.

Разумеется, здешний Мишкунец крутил в столовой разные мутные схемы, это у всех Мишкунцов семейная черта. Но даже если меня тут обсчитали либо накормили чем-то малосъедобным, я бы не стал связываться и затевать вендетту с их злопамятным кланом. Что-то более серьезное должно было подтолкнуть на тропу войны.

А потом меня осенило: вытащил из кармана электронный органайзер, ткнул в календаре сегодняшний день…

И вскоре оказался на ногах. Сзади что-то с грохотом упало, кажется, мой стул. Но я не обратил внимания. Помахивая меню, я целеустремленно шагал к Мишкунцу.

– Твоя подпись? – не повышая голос, спросил я, подойдя и ткнув пальцем в закорючку внизу страницы.

– Отвали, – проронил Мишкунец равнодушно. – Есть нарекания по работе столовой? Жалобная книга во-он там.

– Твоя, гнида? – гнул я свое.

– Ой, вот не надо тут симулировать приступ акульего бешенства, я тебя умоляю… Я ведь знаю, что ты сегодня не…

Он не договорил. Я взял его за глотку, стиснул, перекрыв доступ кислорода.

Но здесь продолжать разговор не стоит, помешают… И я шагнул в дверь, ведущую на кухню. Вместе с Мишкунцом шагнул, так и не отпустив его.

Посетители столовой, занятые своими тарелками, едва ли заметили случившееся. Зато кухонная челядь хорошо разглядела и меня, и своего начавшего синеть начальника – и, очевидно, вспомнила про мою репутацию.

Визг, топот ног – и люди в белых халатах очистили нам место для разговора. Лишь один застыл статуей: рот распахнут, в руке откупоренная литровая банка с каперсами, в другой крышка от нее… Ладно, пусть стоит, только бы под руку не лез.

– Что… тебе… надо… – с трудом выдавил Мишкунец, когда я открыл ему приток воздуха.

– Мне надо, чтобы весной в гребаном меню твоей гребаной столовой не было гребаных бутербродов с икрой. С гребаной, – сказал я, задвигая засов на двери. – И вообще, чтобы икра в меню не упоминалась. Даже баклажанная.

Дело в том, что Ихти и Импи не беременеют, как простые женщины, от связи с мужчинами. У них в организмах ежегодно созревает икра, сама, без участия противоположного пола. На нерест они не плавают, каждую весну освобождаясь от икры в одной из лабораторий Института.

Беременностью этот процесс можно назвать с большой натяжкой. Но психика у сестричек не рыбья, и социализация тоже играет свою роль, заставляя перенимать каноны поведения у окружающих… Короче говоря, Ихти и Импи весной демонстрируют многие психические изменения, присущие женщинам «в положении».

А теперь представьте реакцию беременной, которой предложат в заведении общепита… ну, например, жаркое из человеческих эмбрионов, полученных после абортов и выкидышей. Представили? Впечатляет?

Все это я Мишкунцу уже объяснял, спокойно и мирно… Но он не внял.

– Я предупреждал, что прослежу?! Можешь не отвечать, сам помню: было первое предупреждение, оно же последнее!

– Так все это из-за твоих брюхатых селедок? Да я…

Бац! – я вмазал ему в челюсть. Смачно приложил и плотно. За «брюхатых селедок» в том числе. Которых я два часа вчера выводил из истерики после визита в столовую. Но не стоило повторно объяснять Мишкунцу, как надлежит обращаться с беременными женщинами, даже если они не совсем женщины. Бесполезно. Не дошло сразу, не дойдет и теперь.

Я поводил взглядом по сторонам, углядел разделочный нож… Сгодится, раз уж челюсти с тройными рядами зубов сейчас недоступны…

Мишкунец при виде ножа в моей руке проникся серьезностью ситуации и тонко, по-щенячьи, взвизгнул.

Меня же охватили сомнения. И внутренняя борьба… Кархародон настойчиво склонял к тому, чтобы покромсать хама в куски. Настрогать ломтями. Сергей Чернецов не менее настойчиво уговаривал подумать о последствиях…

Не знаю, кем я был в тот момент… Но нашел соломоново решение, удовлетворившее обе ипостаси. Шагнул к сжавшемуся у стены Мишкунцу, взмахнул ножом. Отсеку хаму и подлецу второе ухо, для симметрии. Последствия будут, но все же не фатальные, зато дойдет с гарантией…

Клинок звонко ударился о кафель стены и отскочил, так и не встретив сопротивления плоти. Что за…

Мишкунца передо мной не было… По крайней мере как единого целого – не было. Одежда его упала на пол, и из нее расползались во все стороны мерзкие извивающиеся твари, небольшие, но многочисленные.

Вот это да…

Я знал, конечно, что тотем у Мишкунца Lampetra fluviatilis, иначе говоря, минога балтийская… Но как-то по умолчанию считал, что оборачивается он одной миногой…

«Как же он говорит, думает… – недоумевал в моем мозгу Сергей Чернецов. – Нечто вроде коллективного разума, будто у пчел и термитов?»

«Хватай! Убей! Сожри!» – бесновались там же базовые инстинкты кархародона. Он за последний час изрядно сдулся, но агрессивности не утратил.

Миножий выводок быстро расползался во все стороны, тварюшки шустро прятались под кухонную мебель и исчезали из виду. Я подхватил одну и тут же выронил: неимоверно скользкая, упруго извивающаяся, не удержать…

Обернул руку носовым платком, и второй подход оказался удачнее. Куда бы ее пристроить… А, вот… Я вынул банку с каперсами из руки «статуи» в белом поварском халате, опростал емкость в ближайшую кастрюлю, побулькивающую на плите. Сунул в банку миногу и прикрутил крышку.

В дверь барабанили, за ней раздавались возбужденные голоса… Пора исчезать, хорошего помаленьку. Однако я все-таки задержался и изловил еще двух миног, не успевших спрятаться. И лишь после этого ретировался черным ходом.

Не знаю уж, какой части тела лишится Мишкунец, когда снова решит собрать себя в кучку… Может, останется без уха, как планировалось, может, без чего-то еще…

Хорошо бы, конечно, в отместку за бутерброды с икрой зажарить трофейных миног и вручить Мишкунцу на тарелочке. Но кархародон, способный оценить эту идею, рассосался окончательно. А Сергей Чернецов решил пока подержать змеевидных заложниц живыми – в отделе, в одном из пустующих аквариумов. Неизвестно, как все повернется и чем закончится эта история…

* * *

– Вау! – приветствовала меня Импи. – Подкрепился? Предложение о перетрахе еще в силе? А то Ихти тоже хочет. Берем ее третьей?

Ихти сидела рядом и всем видом подтверждала слова сестры: да, хочу, просто мочи нет, да, согласна третьей… Берете?

Ладно хоть других свидетелей у этой глупой сцены не нашлось…

– Извини… – изобразил я максимальное раскаяние. – Ты же знаешь, каким я становлюсь, когда туплю…

– Знаю, знаю… Мишкунец там в поряде? Живой хоть остался? Что-то у тебя кулак на правой грабке весь в кровище…

Мое раскаяние как ветром сдуло.

– Та-ак… Значит, ты специально, все просчитав, отправила меня в столовую… Не просто чтоб отделаться от приставаний…

– Погодь, я за аптечкой метнусь, надо тебе перекисью полить… – ловко соскочила с темы все просчитавшая интриганка и выскользнула за дверь.

– Вчерашняя истерика тоже была спектаклем? – хмуро спросил я у Ихти.

– Ты не залетал, тебе не въехать, как сильно нас колбасит… А что за червяки такие в банке?

– Для опытов. Пусть пока в аквариуме поживут.

– В левый не запускай, он занят…

Левый аквариум был, по видимости, пуст. Я стукнул по стеклу согнутым пальцем – из подводного пластикового за?мка выплыла крупная золотая рыбка. Осуждающе посмотрела на меня и уплыла обратно.

Понятно… Злату Васильевну тоже вымотал сегодняшний день, хоть она и не покидала пределов ОСВОДа. Решила освежиться и взбодриться…

Миног я выпустил в соседний аквариум, украшенный затонувшим пластиковым галеоном с выпавшей из него кучкой пластикового золота. Понаблюдал за ними некоторое время: как чувствуют себя в отрыве от материнского организма? Вернее, от отцовского?

Змеевидные создания поплавали, извиваясь, затем прилипли присосками к стеклу и замерли неподвижно. Вроде подыхать не собираются… А если сдохнут, это станет проблемой исключительно Мишкунца.

– Хуммель спит? – спросил я.

– Ага, – подтвердила Ихти.

– А где Властимир?

– В блиц-шахматы режется с новеньким…

Знакомая картина. Рабочий день близится к концу, начальник отдела в отлучке, – и дисциплина летит под откос. Всё, как всегда.

– Много проиграл, новенький? – спросил я, входя в кабинет Властимира.

– Четыре партии, одну свел вничью… – ответил Соколов.

– Я не о том… Денег много просадил?

– Тысячу восемьсот…

Значит, повышали ставки. Для затравки Властимир всегда предлагает новому партнеру сыграть по сотне. И играет поначалу с преднамеренными ошибками, махинатор… Наверняка вничью завершилась именно первая партия.

– Сейчас станет две четыреста, – уверенно заявил махинатор. – Шах!

– Обломись, здесь ничейная позиция, – сказал я и смешал фигуры.

– Что за хамство? – возмутился Властимир.

Соколов, спасшийся от потери еще шести сотен, благоразумно промолчал.

– А вот скажи, Мир, отчего я до сих пор не подал рапорт на твое увольнение? – задушевным тоном поинтересовался я. – За азартные игры в рабочее время?

Вообще-то задавать Властимиру риторические вопросы не рекомендуется. Потому что он начинает на них отвечать, занудно и обстоятельно. Начал и сейчас:

– Оттого, наверное, что шахматы не азартная игра. Во-вторых, оттого, что до зарплаты неделя, все на мели и для покупки кофе на отдел завтра пришлось бы стрелять деньги у Златы Васильевны. В-третьих…

– Довольно! Ты завершил работу с записью туристов? Результат есть?

– Ну-у… Я продвинулся… – дипломатично ответил Властимир.

– Продвинулся ты или задвинулся, мне плевать. Рыбину идентифицировать можно?

– Пока затруднительно… Но сдвиги имеются.

– Так какого ктулху ты тут в игры играешь?! К компу, продвинутый, живо! Пойдем, новенький… На собеседование.

* * *

Результат собеседования меня немного шокировал.

– То есть ты не маг, не оборотень, не посвященный одного из культов? Обычный человек? – еще раз уточнил я.

– Самый обычный, Сергей Владимирович, – в очередной раз подтвердил Соколов.

Тупить я перестал, но ситуация все равно в голове не укладывалась… Человек. Обычный. Не просто в Институте, – в штате ОСВОДа, пусть и стажером… Со всеми допусками… Куда катится мир?

Ну да ладно… Месяц испытательного срока перебедуем, а там видно будет…

– У нас в отделе демократия, – поведал я небольшую служебную тайну. – На «вы» и по имени-отчеству зовут только Злату Васильевну. Меня можно звать Дарком, можно по имени. Остальных… ну, как с ними отношения сложатся… разберетесь. У тебя на время испытательного срока будет псевдоним Ротмистр.

– В общем, правильно… Мое последнее звание – капитан юстиции, что соответствует полицейскому ротмистру.

А мое последнее – флотский капитан-лейтенант, что тоже соответствует армейскому капитану, полицейскому ротмистру, капитану юстиции и флигель-юнкеру президентской администрации… Прямо какое-то продолжение «Двух капитанов» получается… Всего этого я Соколову не сказал, лишь поинтересовался:

– Служил в прокуратуре?

– Именно так. Дознавателем.

То-то я и подумал с утра, что в задержаниях Соколов новичок, небось раньше такую черновую работу за него опера выполняли…

– И как же ты попал из прокуратуры в Институт? По объявлению на сайте вакансий?

– Я вскрыл работу вашего Черноморского филиала в Новороссийске. В смысле, реальную деятельность, не ту, что для прикрытия. В общих чертах, конечно, но несколько операций отследил в деталях.

– Ишь ты… Лихо. Наградили и отправили к нам на внедрение?

Соколов моей шутке не улыбнулся. Ответил с неохотой:

– Прочитав сводный доклад, мое начальство упекло меня в психиатрическую клинику. А ваше начальство… в смысле, теперь наше… вытащило оттуда и предложило работу. Но из Новороссийска пришлось уехать, слишком многие меня там знали.

Занятное новшество в кадровой политике Института… Из дурдома – в ОСВОД. Руководство, надо понимать, не видит между ними особой разницы… И почему я не удивлен?

– Ладно, Ротмистр… Знакомство объявляю состоявшимся. Добро пожаловать в ОСВОД!

Мы оба встали, совершили церемонное рукопожатие.

– Бейдж уже выдали? – спросил я.

– В кадрах обещали оформить завтра утром.

– Возьми пока этот временный жетон. Не то так и будешь стоять в коридоре, ждать, пока кто-нибудь впустит в ОСВОД. Можешь потом не возвращать, выбросить, он через сутки превратится в обычный кусочек пластика.

– Какие будут задания?

– Заданий множество и все важные… Слушай и запоминай. С Властимиром в шахматы не играть – это раз. Хуммеля не будить – это два. К девчонкам не клеиться, особенно сейчас, весной, но и в другое время не надо. Это три. У Златы Васильевны деньги до зарплаты не просить без самой крайней необходимости – четыре. Сейчас пойти домой и хорошенько обдумать все, что узнал за сегодня, а по дороге сказать Ихти и Импи, что я их тоже отпускаю, – пять. Для начала пока достаточно… А до завтра я поразмыслю, как можно использовать дознавательские таланты и навыки в нашей работе. Вопросы есть?

– Всего один… Хуммель – это тот небритый наркоман, что дрыхнет под кумаром в соседней комнате?

– Да. Только мое «да» касается исключительно того, что Хуммель спит в соседней комнате и давненько не брился. Он не наркоман, он сновидец. Не удовольствие получает, а… Ладно, не буду грузить всем сразу. Втянешься в работу, сам все поймешь.

* * *

Первый день весенних каникул казался бесконечным, но все же завершился. За окнами стемнело. Отдел опустел. Мой рабочий день тоже закончился, причем три часа назад. Да все никак не уйти: в конце дня посыпались новости, а чуть позже потребовалось их обсудить с ЛБ.

Акула никак себя не проявила. Ее искали: по набережным водных артерий города катались неприметные институтские фургончики, нашпигованные аппаратурой, способные обнаружить движущийся подводный объект. Но фургончиков было всего восемь, суммарная длина набережных исчислялась сотнями километров… Если же учесть прилегающие акватории: Маркизову лужу, воды Невы за пределами города, Ладогу, – то шансы найти искомое представлялись мизерными.

Та подделка под акулу, что засветилась в Лукашах, тоже больше не объявлялась. Так что поступившие известия пришли из Интернета, а также от коллег-конкурентов, из службы г-жи Лернейской.

Как выяснилось, не только мы потерпели фиаско. Бивень-Капитоныч и его команда ничуть не лучше проявили себя на Неве, чем ОСВОД на Ижоре. Они ныряли дотемна, но так и не смогли обнаружить вторую экшен-камеру.

Более того, облажались и те сотрудники Лернейской, что занимались информационной безопасностью. Банально не успели вбросить свой «белый шум». Процесс распространения сенсации об акуле в Неве неожиданно вышел из-под контроля. Информация понеслась по Сети лавинообразно, гораздо быстрее, чем это случается при естественных процессах…

Кто-то очень постарался, организовав залповый вброс.

Хуже того, даже в новостях двух центральных каналов промелькнули сюжеты с рассекающим Неву акульим плавником… О пострадавшем туристе и традиционные, и интернетные СМИ пока молчали. Но нельзя исключать, что автор вброса приберегал этот козырь до того момента, когда потребуется подогреть остывающий интерес к сенсации.

Промахи конкурентов не могут не радовать, но босс обрадованным не выглядел. И я думал, что знаю причину: тот, заявившийся на научный совет, в случае чего не станет разбираться, кто и конкретно в чем дал маху… Сработает принцип коллективной ответственности, и полетят головы. Не в фигуральном смысле.

Короче говоря, ОСВОД получил на завтра дополнительное задание: хоть в лепешку разбейтесь, хоть до самого залива Неву обшарьте, но вторую экшен-камеру найдите и предъявите. При этом, оставаясь в полной готовности, немедленно отреагировать на любое появление акулы… Да, ЛБ знает, что раздваиваться мы не умеем, что девчонки не в лучшей форме, а кархародон не слишком пригоден для поисков мелких предметов на дне. Но кому сейчас легко? Кстати, дело об инциденте в Лукашах тоже необходимо закрыть, так что мой визит к Хомяковым не отменяется…

Веселый денек предстоит. Стоило бы поехать домой и хорошенько отоспаться, но на службу меня сегодня доставили с почетом: на казенном транспорте и под конвоем двоих автоматчиков – в результате машина моя так и осталась стоять припаркованной у дома. Тащиться с пересадками на маршрутке, на метро и снова на маршрутке не хотелось. А такси пробьет невосполнимую брешь в скудных финансовых активах: неделя предзарплатная, на карте свищет ветер, а

большую часть налички я оставил сегодня для Наташи, чтобы сестренка не развлекала племянника и племянницу за свой счет…

Я связался с Даной.

– Где тебя черти носят? – произнесла она с интонацией любящей, но слегка сварливой супруги. – Я уже дважды ужин подогревала.

– Работы навалилось невпроворот…

– Я слежу за новостями. Эту гостью в Неве поручили тебе?

– И мне тоже… Весь день крутился как белка в колесе, а завтра с утра все с начала. Знаешь, я, пожалуй, не приду сегодня. У Хуммеля свободна кровать, перекантуюсь на службе.

Она ответила после коротенькой паузы:

– Конечно, Сережа, делай, как тебе удобнее. К сожалению, ужин из микроволновки в холодильник я переставить не могу, так что, наверное, пропадет… Но не страшно, он без изысков, кулинарные таланты в меня не закачаны.

Мне показалось, что за ее ровным тоном прячутся грусть, обида и разочарование… Показалось, конечно же… Самообучающиеся электронные устройства неспособны переживать такие чувства. Они всего лишь анализируют речь хозяев, вычленяют эмоциональную составляющую, подстраивают под нее свою интонацию…

И все же…

– Отставить! – бодро скомандовал я. – Хуммель и его кровать отменяются. Неделя предзарплатная, разбрасываться ужинами нет финансовой возможности! Через сорок пять минут буду.

Вскоре я поймал на проспекте Гагарина «бомбилу», выкатившего на ночной промысел. Торговаться не стал. Перехвачу немного у Златы Васильевны, хоть и

не люблю это делать…

Простенький ужин из полуфабрикатов стоил в разы меньше, чем поездка к нему. Чтобы как-то оправдать перед собой убыточный гешефт, я всю дорогу пытался придумать еще какую-нибудь важную причину для ночевки дома… Поскольку признать, что не хочется разочаровывать кого-то, кто тебя ждет, – даже если этот «кто-то» лишь коробочка с микросхемами, одиноко лежащая в темной квартире, – такое признать мог только сентиментальный придурок.

Но уважительная причина так и не пришла в голову.

– Сережа? – услышал я знакомый голос, отперев дверь квартиры.

И с редкой самокритичностью признал: да, я сентиментальный придурок.

Таким вот уродился…

Глава 8

Немного весенних предчувствий

«Весна наступает в наших краях не по календарю, не первого марта. Она наступает весь март месяц – наступает, словно армия на осажденный город, отчаянно сопротивляющийся: шаг за шагом, дом за домом, улица за улицей… И все, что весна отвоевала днем, зима пытается отбить обратно ночью…»

Так размышлял я, шагая ранним утром аллеями пригородного Павловского парка. Десять лет уже не ношу погоны, но военные аналогии до сих пор приходят в голову.

Повсюду вокруг виднелись следы ночной контратаки зимы. Поляны и лужайки почти целиком очистились от снега, но траву на них вновь посеребрил предутренний морозец, и он же покрыл ледяной корочкой лужи талой воды. А в тени, под деревьями, еще лежали сугробы – уплотнившиеся, почерневшие, ушедшие в безнадежную оборону…

Было прохладно, солнце не успело прогреть остывший за ночь воздух. Но птичий хор пел так уверенно и победно, что сомнений не оставалось: полная и безоговорочная капитуляция зимы близка… Хорошо, когда хоть что-то в точности известно заранее.

Прогуливался я в гордом одиночестве – единственный посетитель на сотни гектаров просыпающейся природы. Сейчас все проходы и проезды в высокой ограде, опоясавшей парк, заперты и украшены табличками «Парк закрыт на просушку». Но у меня имелся ключ от одной из боковых калиток.

Пруд открылся глазам неожиданно, вынырнул из-за деревьев. Они росли здесь густо – эта часть парка дальняя от дворца, и дикий лес, стоявший здесь в давние времена, лишь слегка облагорожен трудами ландшафтных дизайнеров восемнадцатого века.

Пруд с небольшим островом имеет искусственное происхождение, но выкопан так давно, что выглядит небольшим лесным озерцом. Создатели дали водоему романтическое название – Венерин пруд, а островок получил имя Острова Любви.

Кому как, а для меня эти названия оказались пророческими…

* * *

Венерин пруд не успел освободиться от ледяного плена. Однако лед доживает последние дни, на него уже не выйти, не прогуляться по нему, даже если перепрыгнуть через метровую полосу чистой воды, образовавшуюся вдоль берега: истончился, стал пористым и пропитанным влагой, даже на вид ненадежным.

Прежде чем спуститься по склону берега, я неторопливо и внимательнейшим образом огляделся – не мелькнет ли кто в разрывах деревьев? Хоть парк и закрыт для посещений, но здесь не Европа и к запрещающим табличкам почтения мало… К тому же в протяженной ограде регулярно появляются лазейки трудами несознательных граждан, не желающих покупать входные билеты, – работники парка проломы заделывают, но они появляются снова, и процесс идет по кругу… Да и поверху перемахнуть через ограду вполне реально

для человека, дружащего со спортом.

Сколько ни всматривался, несознательных граждан не обнаружил. Спустился к береговой линии – аккуратно, шагая лишь по траве, не оставляя следов на оттаявшем голом грунте. Опустил руку в воду, проломив тончайший ночной ледок, – ух, холодная! – и достал небольшой приборчик, замаскированный прошлогодней водной растительностью.

Осмотрел, первым делом обратив внимание на индикатор заряда. Все в порядке… Теоретически, емкости батареи должно хватать на весь срок службы. Но всегда существует вероятность заводского брака…

Нет, это был не какой-нибудь засекреченный прибор, порожденный техническими гениями Института. Заурядное устройство, имеющее всего две незамысловатые функции: измерять температуру воды и отправить мне сигнал, когда вода прогреется до заданной величины.

Судя про тем цифрам, что прибор демонстрировал сейчас, ждать осталось недолго, несколько дней…

Что случится потом, когда сигнал донесется до меня по нескольким продублированным линиям связи, я знал очень хорошо.

* * *

Я брошу все дела, где бы я ни был и чем бы ни занимался. Я помчусь ночью в Павловск, отомкну ворота и въеду в парк на машине (пропуск давно получен в администрации музея-заповедника и ждет своего часа). Оставив внедорожник неподалеку, я буду ждать прихода утра на берегу Венерина пруда.

Все произойдет на рассвете, едва лишь первый луч солнца коснется Острова Любви.

Или не произойдет, изредка приходится ждать следующего рассвета, – тогда мне предстоит пережить самые кошмарные и томительные сутки в году.

Но, скорее всего, все начнется в первое утро… Поверхность пруда раздастся – бесшумно, без малейшего всплеска, и в другом, в новом месте, не в том, куда будет устремлен мой нетерпеливый ожидающий взгляд, – отчего-то всегда получается именно так.

В общем, девушку я увижу, когда она будет стоять у берега, по щиколотку в воде.

Совсем юная, лет тринадцати-четырнадцати на вид, и полностью обнаженная… В первый раз это зрелище меня шокировало, потом привык, – и теперь мое сердце сожмется и пропустит пару ударов не от изумления, от другого чувства.

Я подойду. Она не произнесет ни слова, лишь улыбнется, но улыбнется так, что я опять утону в этой улыбке и в этих синих глазах…

Улыбнусь ответно, протяну руку, помогу выйти на берег… Она возьмется за мою ладонь доверчиво, чем-то напомнив мне в тот миг белок Павловского парка, никогда не видевших зла от людей и без страха и сомнений берущих угощение прямо из рук.

Я накину на нее плащ – длинный, до пят, заранее приготовленный, – и поведу к машине.

Не считайте меня педофилом… Десять лет назад, в нашу первую встречу, я всего лишь хотел помочь девчонке, попавшей в непонятную, как мне казалось, беду, и никаких сексуальных мыслей не возникало.

Теперь возникнут, никуда от них не денешься, но теперь-то я знаю, что она гораздо старше, чем будет в тот момент выглядеть… Просто выходит из зимней спячки такой – бесконечно юной и поначалу ничего не помнящей.

Она – наяда.

* * *

Всю дорогу она будет молчать и улыбаться.

Немота ее временная – наяды умеют говорить на всех языках, и не только на человеческих, – просто к тому моменту она не вспомнит, как это делается.

Она с жадным любопытством будет смотреть во все глаза на мелькающий за окнами машины мир – новый для нее, незнакомый, заманчивый…

Чуть позже, в моей квартире – в нашей квартире! – с тем же любопытством и без тени узнавания будет разглядывать обстановку, которую когда-то подбирала сама…

Все будет, как всегда.

Хотя нет, не совсем… Наши дети подросли, и на первые недели уже не нужно отправлять их к сестре. Теперь можно объяснить Марату и Маришке на доступном им уровне, почему мама так помолодела, отчего их не узнает и зачем поначалу лучше называть ее «тетей».

Заговорит она через три дня, и я в который раз узнаю, что зовут ее Нейя. И стану называть Надей. Десять лет назад это имя показалось мне подходящим и символичным – надеялся, что вопреки всему она меня все же полюбит – а теперь другое и не представить… Да и документы, дожидающиеся сейчас дома владелицу, все оформлены на Надежду Чернецову.

* * *

Наше первое свидание состоится в начале мая. Город будет подернут зеленой дымкой только проклюнувшейся листвы, по Неве бесконечной лентой будет ползти ладожский лед… Мы будем сидеть в открытом кафе на Стрелке, только-только расставившем свои цветастые громадные зонтики-тенты. Будем пить шампанское, но никто не заподозрит меня в спаивании малолетних, – Нейя в тот момент будет выглядеть лет на восемнадцать-двадцать…

Мой бокал окажется с легкой горчинкой, потому что мне придет в голову мысль, уже посещавшая на двух или трех последних первых свиданиях… Последние первые свидания… смешно…

Я призадумаюсь о том, что старею крайне медленно, но она не стареет вообще, вернее, регулярно омолаживается – и рано или поздно наступит день, когда со стороны наше первое свидание будет выглядеть, как встреча дедушки с внучкой… А потом Надежда улыбнется, и я выброшу все дурные мысли из головы.

Тем вечером мы впервые поцелуемся. Она поначалу удивится – для чего это? зачем? – но поцелуй поможет ей вспомнить многое.

А поженимся мы в июне, в разгар белых ночей и соловьиных трелей. Распишемся в день летнего солнцестояния, и в первую брачную ночь Нейя вспомнит все и окончательно, – и наши прошлые жизни, и наши прошлые свадьбы, и наших детей… И лишь тогда исчезнут мои опасения, что чудо может не повториться, что в этот раз я совершу какую-то ошибку или глупость, и все пойдет не так и не туда.

Наверное, она способна вспомнить все и без свадьбы – может, чуть позже, через недельку, но вспомнила бы. Но я привык снова и снова в июне жениться на своей жене… Во Дворце бракосочетаний уже не удивляются (каждый декабрь я предоставляю фиктивное свидетельство о разводе, якобы выданное в другом городе).

Наши свадьбы не повторяют одна другую под копирку… Надежда, например, хоть и не помнит ничего о предшествующих церемониях, но каждый раз выбирает свадебное платье нового фасона… Отмечаем тоже в разных местах. А в этом году предстоит юбилейная свадьба, десятая, надо расстараться и выдумать что-то особенное.

* * *

Тот, кто думает, что семейная жизнь с наядой сплошная любовная идиллия без единой тучки на горизонте, – тот глубоко ошибается.

Никому не посоветую жениться на наяде, случайно встреченной на берегу паркового пруда, или лесного озера, или горного ручья… Сам женился, и продолжаю жениться каждый год, но другим советовать не стану.

Подводных камней здесь хватает.

Лишь один маленький пример: в начале августа у Надежды-Нейи приключится жесточайший приступ ревности… Всегда приключается. Каждый август. Без исключений.

Пытался избежать его самыми разными способами – ничто не помогает. Даже если мы забронируем на этот месяц необитаемый остров и поселимся на нем вдвоем, Нейя и там найдет к кому приревновать…

А ревнующая наяда… Ладно, кто не сталкивался, тот пусть и не знает, на что она способна.

И все же конец лета и сентябрь станут самыми счастливыми месяцами в нашей семейной жизни. Молодая, красивая, умная, наконец-то все вспомнившая жена и мать, – что еще надо мне и детям для счастья? Маришка и Марат, кстати, оба родились в сентябре, с перерывом в два года (срок беременности у наяд значительно короче, чем у людей).

Потом придет октябрь и предчувствие разлуки.

* * *

Расстанемся мы в начале ноября, в один из редких солнечных дней золотой осени.

Последние часы проведем здесь, в Павловском парке, только вдвоем – с детьми Нейя попрощается накануне.

Единого ритуала расставания нет, каждый раз оно проходит по-своему, лишь одно не меняется – этот день завершается слишком быстро, в ноябре очень рано темнеет.

На закате мы придем на берег Венериного пруда. Там не будет никого, хоть парк в ту пору не закрыт на просушку. К тому времени Нейя хорошо будет знать, как ей управлять своим заповедным уголком, и сделает так, чтобы никто не захотел здесь появиться.

Последний поцелуй, и она шагнет к воде – обнаженная, как в первый наш весенний день, лишь с венком из кленовых листьев на голове. Однако будет выглядеть не девчонкой с едва оформившейся грудью – женщиной в расцвете красоты, познавшей радость материнства.

Поверхность пруда беззвучно, без малейшего всплеска, сомкнется, и только ярко-желтый венок останется легонько покачиваться на воде…

Я буду стоять и смотреть на него, пока последний солнечный луч не погаснет на кронах деревьев, растущих на Острове Любви. А потом медленно пойду прочь в густеющих сумерках, перебирая в памяти события нашей завершившейся семейной жизни, и прошлых наших жизней, вспоминая только хорошее, потому что плохое не стоит воспоминаний…

Бесконечной зимой я буду иногда приходить сюда, протаптывая тропинку в сугробах. Буду приглядываться к деревьям, особенно на излете зимы, – не намечаются ли с южной стороны первые крохотные проталинки? Но весна придет в свой срок, как ее ни поторапливай…

Иногда, во время одиноких зимних прогулок, меня будут посещать странные мысли и вопросы, не имеющие ответов. Что было бы, если бы тогда, десять лет назад, ошарашенный случившимися в моей жизни переменами, я отправился погулять, собраться с мыслями и все обдумать не в Павловский парк, а в другое место? Или если бы бездумная ходьба по утреннему парку привела меня на берег другого здешнего пруда? Как бы тогда сложилась моя жизнь?

Ответа я в очередной раз не придумаю и пошагаю сквозь заснеженный парк обратно к машине, твердо уверенный лишь в двух истинах, в двух непреложных константах моего бытия:

Весна придет.

Надежда вернется.

* * *

И знаете, что я вам посоветую, хотя миг назад советовать не хотел?

Если случайно повстречаете наяду на берегу паркового пруда, или лесного озера, или горного ручья, – все-таки попытайтесь добиться ее любви и жениться на ней.

Будет трудно, при расставаниях очень больно, а после них – тоскливо и одиноко, но все же не пожалеете.

Я не пожалел.

Глава 9

Невыносимые Хомяковы

Хомяковы живут в деревне Спасовка, или, официально выражаясь, в Спасовском сельском поселении, – примерно на полпути между Павловском и Лукашами.

Они обитали там всегда, испокон веку, но не подряд, с перерывами, – как мне рассказывали, регулярно собираются и уезжают куда-то как минимум на пару-тройку десятилетий. Потом возвращаются и живут, как прежде, вступив в права наследования и вселившись в семейную недвижимость, – по документам вернувшиеся числятся уже следующим поколением Хомяковых.

Люди они по большому счету не вредные, хотя со странностями и с глубочайшим предубеждением против современной науки. Но между ними и окружающими постоянно происходят какие-то сюрреалистичные истории, а их специфическое чувство юмора, особенно ярко проявляющееся у младшего поколения, способно вывести из себя кого угодно… Босса вывело уже давненько, и он все чаше спихивает общение с Хомяковыми на меня, хотя далеко не всегда поводы для общения лежат в сфере ответственности ОСВОДа.

Но сегодня все сложилось одно к одному: инцидент в Лукашах прямо относился к моей компетенции, а контрольный выезд в близлежащий Павловск я так или иначе планировал.

…Проехав ограду фабрики «Динамо», я сбросил скорость, опасаясь проскочить невзначай узенький просвет между двумя похожими заборами, – именно туда надлежало свернуть, чтобы попасть к резиденции Хомяковых.

Удается это не всегда. Прошлой осенью я четырежды проехал мимо – два раза туда, два раза обратно – но так и не увидел нужный поворот. Я тогда был крайне зол на семейку после дикой истории с говорящими грибами, – остановился на обочине, вылез из машины и попытался попасть к ним пешим порядком, зайдя с тыла. Не удалось – участки, до того соседствовавшие с хомяковским справа и слева, теперь граничили друг с другом, а промежуточное владение загадочным образом испарилось.

Спустя три дня, когда злость моя несколько улеглась, приехал снова – и с первого раза попал, куда надо. Хомяковы сделали вид, что понятия не имеют о дематериализации участка вместе с домом, я сделал вид, что им верю, – на фоне их прочих шуточек эта не стоила серьезного разговора…

На сей раз никаких препятствий для проезда не обнаружилось, что подтверждало мое подозрение: в Лукашах порезвились Хомяковы-младшие, родителей в известность не поставив.

Застать хозяев мирно спящими я не опасался, они ранние пташки, встают с петухами… Не ошибся – ВБХ, полностью одетая, уже стояла у колодца, скрестив руки на груди, и внимательно смотрела, как я подъезжаю. Выглядела г-жа Хомякова беременной на самом последнем сроке, причем тройней, – Ихти с Импи даже с их нынешними фигурами показались бы на ее фоне стройными, как манекенщицы. Она и впрямь на сносях, причем все десять лет нашего знакомства, и первые буквы аббревиатуры ВБХ я расшифровываю не как Всеслава Буняковна, а как Вечно Беременная.

Вежливо поздоровавшись, поинтересовался местонахождением ее отпрысков.

– Так гуляют где-то, – беззаботно ответила ВБХ. – Каникулы же…

Те годы, когда я принял бы этот ответ за чистую монету, давно миновали. Школа и Хомяковы-младшие существуют в разных измерениях. Не пересекающихся. А если изредка они вспоминают про существование этого заведения – то лучше бы

не вспоминали.

В общем, ВБХ не казалась настроенной на откровенный разговор… По счастью, рядом находился источник более правдивой информации – и оправдал мои надежды.

«Мелкий пошел клад зарывать к первому апреля, а Радка гоняет на своей вонючей тарахтелке», – немедленно наябедничал Малыш Хомяков. Этот никак не желающий рождаться паршивец повадился в последние годы телепатически общаться с окружающим миром, причем зачастую дерзит, уверенный в своей безнаказанности.

Я прислушался. Где-то не очень далеко трещал двигатель мопеда с прогоревшим глушителем. Встреча с Радой представлялась более реальной – расспрашивать Малыша, где его братец зарывает клад, не хотелось. Стоит лишь показать интерес и начать задавать ему прямые вопросы, – внутриутробный житель тут же станет требовать плату за информацию.

– Подожду ваших детишек, погуляю в округе, – сказал я.

– Так в дом пройдите, чайку попейте, – радушно предложила Вечно Беременная, но я на радушие не купился: не чай они там пьют.

Отойдя к дороге и скрывшись из видимости ВБХ, я перескочил через соседский забор, затаился за ним и немедленно услышал правовую оценку своих действий:

– Незаконное вторжение на территорию внутри границ частной собственности. Докатился…

Это с моего запястья подала голос Дана. Вот она, благодарность за то, что мчался к ней вчера сквозь ночь на такси, бросив все дела…

– Ну и что мне за это грозит? Сколько минимальных окладов заплачу? Сколько месяцев проведу на исправительных работах? Выдай юридическую справку.

После едва заметной паузы Дана отбарабанила на редкость сухим и занудным тоном:

– В действиях лица, находящегося или передвигающегося по территории частной собственности, из которых не усматривается умысел на совершение правонарушения, например хулиганства или хищения имущества, – нет состава правонарушения или преступления.

– И всего-то? Ну тогда немного помолчи, мы вообще-то в засаде.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Шум мопеда то приближался, то удалялся, а потом послышался совсем рядом – Хомякова-младшая подъезжала к дому.

И тут же выяснилось, что нарушал границы собственности и таился я не зря. Мой «Лэнд Ровер Дискавери» был неплохо знаком Раде – и, увидев его возле дома, юная байкерша тут же развернулась и покатила обратно (юная – исключительно по внешнему виду, а о возрасте этой девушки я тактично промолчу, сам его не знаю: биологические ее часы остановились на шестнадцати или семнадцати, но год рождения теряется в тумане прошлого).

Вновь перескочив забор, я преградил ей путь. Рада резко прибавила газу и попыталась объехать меня, заложив рискованный вираж. Почти получилось, но лишь почти – я успел ухватить древний мопед за багажник и приподнять в воздух.

«Вонючая тарахтелка» истерично надрывалась, но с места не двигалась, – заднее колесо вращалось в десяти сантиметрах над землей.

– Чего надо? – спросила Рада, прекратив бесплодные попытки и заглушив двигатель.

– Слезай, поговорим.

Она слезла, но к разговорам оказалась явно не расположена, повторив тот же вопрос:

– Чего надо?

– Мне? От тебя? Много чего… Хотелось бы крепкой дружбы, чистой любви, здорового секса, законного брака, троих детей, девятерых внуков, долгой

совместной жизни и смерти в один день… Но всего этого ты мне дать не сможешь, поэтому лишь ответь на один вопрос: это ты развлекалась вчера на плотине в Лукашах?

– Я.

У Рады хватает недостатков. Но она не врет. Никогда. Считает ниже своего достоинства… За это я ей многое прощаю.

– Зачем? Ну зачем?!

– Надо было.

– А что ты обещала мне осенью, после Хеллоуина?

– Не помню… Сколько уж прошло-то…

– Сейчас освежим память. Дана, ты не помнишь, случаем, что мне обещала осенью гражданка Хомякова?

– Гражданка Радослава Хомякова обещала четвертого ноября минувшего года следующее, по пунктам. Пункт один: не выращивать грибы; пункт два: не транслировать записи с ночных каналов для взрослых днем на телевизионные приемники Спасовской средней школы; пункт три…

Список оказался длинным, аж из семнадцати пунктов. Когда он отзвучал, я поинтересовался у Рады:

– Вспомнила? Что скажешь?

– Скажу, что прав папенька: часы с кукушкой – диаволово творение. Правильные люди время днем по солнышку поймут, а ночью спать ложатся.

– Это кто тут «часы с кукушкой»?! – проскрежетала Дана так, что оставалось лишь радоваться отсутствию у нее рук, позволивших бы вцепиться Раде в волосы.

– Брейк, девушки! – вмешался я. – У вас разные весовые категории! Ну так что, гражданочка Хомякова… Нехорошо нарушать обещанное.

– Что-то я ни одного «ку-ку» ни про плотину, ни про акулу не услышала…

– Да-а-а? А пункт семь? Не использовать паранормальные способности для неспровоцированного нанесения физических и моральных увечий мирным гражданам? Как по мне, так это точнехонько про вчерашнее.

– А кто там был мирный? Сами напросились. Сами спровоцировали. Хамили, Мелкого чуть не сожрали…

– Та-а-ак… А вот с этого момента рассказывай с подробностями.

Каннибализм в Гатчинском районе Ленобласти? Только этого нам не хватает сейчас для полного счастья. Свяжешься с Хомяковыми, вечно во что-то этакое вляпаешься, недаром босс их за версту обходит…

– А что рассказывать? Поехали, покажу, быстрее будет…

И она приладилась снова залезть на свою тарахтелку.

– Нет уж, поехали на моей, – остановил я Раду. – Тогда действительно будет быстрее и доедем с гарантией.

* * *

Вчера второпях я не стал выяснять, какими снастями промышляли на плотине рыболовы. Сегодня выяснилось, что ловят они не удочками. Вниз, к поверхности Ижоры, уходили три толстые веревки, привязанные наверху к парапету. Временами то один, то другой рыбак резко дергал за веревку – тогда из воды поднимался большой, метра два в диаметре, обруч, обтянутый сетью. Иногда снасть оказывалась пустой, но чаще там трепыхались крупные серебристые рыбины, по три-четыре разом. Их сноровисто били по головам деревянными колотушками – трепыхания прекращались, и добыча оправлялась в мешок. Время от времени подходили покупатели, расплачивались кто деньгами, кто водкой, забирали часть улова.

– Эти штуки называются «парашюты», – пояснила Рада; мы с ней на плотину не пошли, наблюдали издалека, с берега. – Всего три осталось, а вчера сплошняком стояли, но я им пообрывала да попортила. Всю ведь рыбу выбивают, подчистую. Она на нерест идет, в плотину упирается, ну и крутится здесь, пока всю не выловят. Сейчас язей берут, а позже лещи пойдут, щуки… А форель уже и не ходит, ее и раньше мало было, а эти «парашютисты» остатки выгребли…

– Понятно… А ты, значит, охраняла мать-природу таким вот замечательным способом. Рыба спасена, месячный план травмпункта в Коммунаре выполнен за день, всем хорошо, все в шоколаде. Но я не понял главного: кто и как собирался сожрать Мелкого?

– Так они ж и собирались!

– Хм…

– Он пошутить решил. Напугать… Ну, типа рыбой прикинуться, дать себя поймать, – а потом ка-а-а-к заорать человечьим голосом!

– Ну и?

– Заорал… А его тут же колотушкой по башке. И на уху пустить решили. Не рассчитал он маленько, дело к вечеру шло, нарезались все уже в зюзю, вот и решили, что это от синьки их клинит… Ну и затеяли из него ушицу сварить, чтоб не колдырить без закуси.

Пили на плотине без отрыва от производства. Время от времени отхлебывали по паре глотков, доставая бутылки из карманов. А на берегу, рядом с костром, добавляли уже по-взрослому, судя по внушительной россыпи бутылок, окружавшей бивак.

Дальнейшая история спасения Мелкого и страшной мести за его поимку научного интереса не представляла…

– Пойдем, по дороге доскажешь, – сказал я. – Мне к одиннадцати надо успеть на службу.

Досказала, но слушал я вполуха, невнимательно… И уточнил лишь один момент: не в Интернете ли Рада почерпнула мысль предстать перед рыбаками в образе акулы? Угадал, идея родилась у нее после просмотра одного из роликов с акульим плавником…

Версия о том, что кто-то целенаправленно отвлек наше внимание, накрылась медным тазом.

* * *

ВБХ так и стояла у колодца, словно не отходила никуда (теперь крышка со сруба была откинута, снизу доносилось громкое побулькивание, и оттуда тянуло аммиачным запахом). Папаша Хомяков присоединился к супруге – сидел на завалинке, покуривал. Мелкого не было видно, наверное, до сих пор возился со своим кладом, – в подробности этой безответственной авантюры мне даже не хотелось вникать.

При виде нас с Радой Хомяков-старший поднялся, погасил бычок о подошву.

– Доброго вам здоровья, – приветствовал я его. – И родителю вашему тоже. – Я отвесил легкий поклон в сторону колодца.

Побулькивание в колодце стало громче. Хомяков же был явно не в духе, на приветствие не ответил и шагнул на крыльцо, поманив за собой:

– Пойдем-ка, мил-человек, диковину одну покажу, очень уж любопытственная…

Заинтригованный, я шагнул за ним в сени. Был глава семейства невысок, очень плечист, про таких говорят: поперек себя шире… Иногда на него нападает бес славянофильства, народничества, посконности и сермяжности, – тогда Хомяков облачается в лапти и косоворотку, а говорить начинает на простонародном языке девятнадцатого века, обильно пересыпая речь архаизмами, без словаря старинных слов непонятными. Но сегодня его реплики в переводе не нуждались…

В сенях Хомяков распахнул дверцы объемистого шкафа, набитого всякой всячиной, начал рыться на полках (одна створка была резного дерева, как бы не

палисандра, и могла привести в экстаз собирателя старинной мебели, вторая – кривовато выпилена из фанерки).

– Тут вот один городской тоже дочурку мою на моторе катал, не знаю уж, чего от нее хотел… – сообщил Хомяков, по-прежнему стоя ко мне спиной и продолжая изыскания в шкафу. – А потом пропал, как в воду канул… Искали его, искали, даже у нас искали… Да не нашли, хорошо я его запрятал, теперь и самому не сыскать… А-а-а, вот же он… Гляди!

Сначала мне показалось, что он держит в руке популярный сувенир – модель корабля, собранную внутри бутылки. Потом понял: не корабль… и не модель…

Внутри прозрачной емкости стоял внедорожник «Паджеро», но моделью не выглядел, потому что рядом стоял водитель… живой водитель… Вернее, неподвижно стоял лишь автомобиль, он едва вписывался по габаритам в бутылку и сдвинуться с места не мог. А человечек чуть больше пальца ростом – мог, и скатывался в сторону донца, отчаянно и безуспешно цепляясь за гладкое стекло.

Хомяков выровнял бутылку, сползание прекратилось, лилипут поднялся на ноги. Вид у него был непрезентабельный: дорогой пиджак разорван под мышкой, волосы растрепаны, взгляд дикий. Мы смотрели на него, он смотрел на нас – и, наверное, видел сквозь стекло искаженные лица чудовищных монстров, потому что быстро юркнул в машину и захлопнул дверцу.

– Всего лишь катал дочь? – уточнил я на всякий случай.

– Ой, да шутковал я… На рынке прикупил игрушку, в Автово. Но как навострились делать в неметчине, а? Прямо как живой, и мотор у него как настоящий… Родится младший – ему подарю, пусть забавляется.

Он убрал обратно в шкаф бутылку, задумчиво пожевал губами, словно решая, стоит добавить что-то еще или нет. Решил, что стоит.

– Если Всеся этим годом разрешится, я, почитай, молодым родителем стану… Не к лицу мне тогда трое внуков будут, тем более девять правнуков… Улавливаешь суть?

Когда я садился в машину, подошла Рада и сказала:

– Слушай, тут такое дело… Масленичная неделя нынче, так мы с Мелким чучело сжечь затеялись, Ярилу… Если спалим – не приедешь потом мне мозг выносить?

– Просто чучело? Ярилу? Без пожарной тревоги на весь район?

– Ну так…

– Жгите.

Ее довольная улыбка мне не понравилась, в чем-то здесь был подвох. Но детально разбираться не было ни времени, ни желания.

Отъехав от Спасовки пару километров, я понял, что сил не осталось, – встал ни свет ни заря, а общение с Хомяковыми вымотало меня, выжало досуха.

– Дана, довезешь до Института? Хочу подремать хоть полчасика.

– Да не вопрос! – откликнулась Дана, она любила порулить.

– Напрямую подключить?

– Обойдусь беспроводным, путь не дальний… Перебирайся на заднее и спи спокойно.

Так я и сделал: перебрался назад и почти сорок минут, до самого Института, спал сном младенца.

Проснулся от звука клаксона над самым ухом. Открыл глаза: знакомая ограда, ворота нашего КПП… Здесь собралась небольшая очередь на въезд. Впереди – пассажирский автобус, причем с мурманскими номерами. Сзади тоже кто-то был, он-то и сигналил.

Понятно… Педантку Дану, соблюдающую дорожные правила до последней запятой, частенько попрекают таким образом другие участники движения, вечно

куда-то спешащие. Наверняка сейчас водителю задней машины не нравится, что «Дискавери» не ползет к воротам, уткнувшись в бампер автобуса, а выдерживает приличную дистанцию.

Снова раздался звук клаксона. Потом хлопнула дверь, послышались торопливые шаги, – и за полуопущенным боковым стеклом нарисовалась незнакомая мне физиономия. Ее обладатель возмущенно спросил:

– Спишь, что ли?!

Вернее, начал-то он возмущенно, а закончил растерянно, узрев пустое водительское место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tochinov_viktor/osvod-chelyusti-sud-by

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить